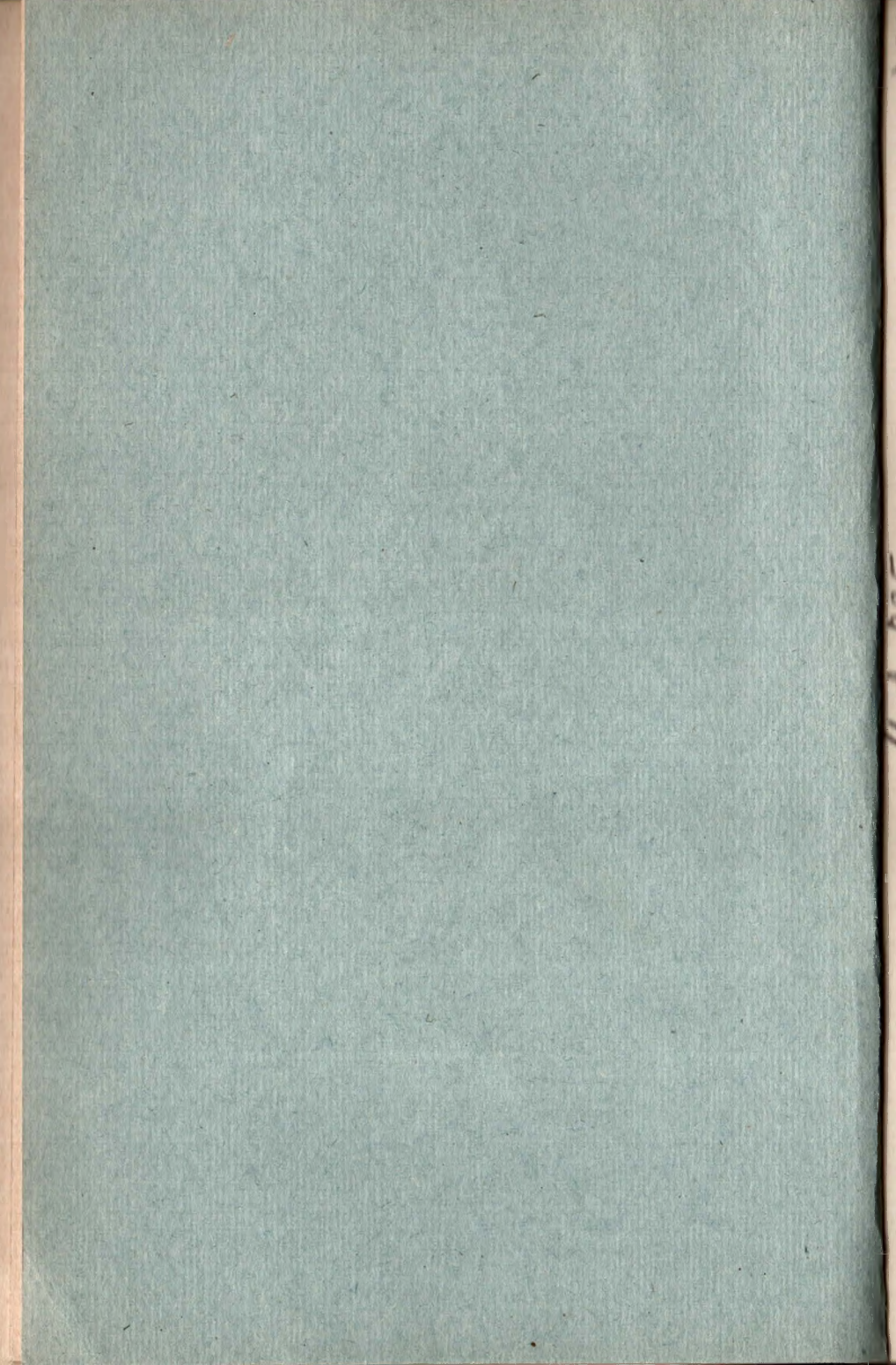

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов 1У годичной научной
сессии ЛО ИНА
Май 1968 года

Ленинград 1968

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

Тезисы докладов 1У годичной научной
сессии ЛО ИНА
Май 1968 года

Ленинград 1968

Подписано к печати 16/1У-1988 г.

А-01785 Тир. 250 Зак. 142 Объем 8,25 п.л.

Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"

Москва, Центр, Армянский пер., 2

О.Ф.Акимункин

РЕДКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ МОГОЛИИ

ОО. До сравнительно недавнего времени исследователи располагали только одним историческим сочинением по истории Восточного Туркестана и Моголистана XV-XVI в.в., а именно Тарйх-и Раиъидй, трудом написанным в 1546 г. на персидском языке Мухаммед-Хайдер Дуглатом - уркенцем этой страны, "потомком ее владетелей и приближенным монгольских ханов". Освещение событий, происходивших на этой территории, в кратком и конспективном виде от сер.XVI по начало XVII в. мы находим только в тюркских источниках XVII в./"Аноним Кангарий", труды Мухаммед-Садики Кангари/. Это обстоятельство даже основание акад.В.В.Бартольд у считать, что "население Восточного Туркестана, по-видимому, никогда не отличалось литературной производительностью". Это положение В.В.Бартольда, по крайней мере, в отношении исторических сочинений, созданных на месте в XVI-XVII в.в., остается в силе.

ОI. За последние 70 лет был обнаружен лишь один труд, целиком посвященный событиям указанного периода, который в известной степени заполняет лакуну в наших знаниях по истории страны в течение полутора веков. Это "Хроника" Мах-Махмуд б.Мирза Фавид Чораса; автор так же, как

и его предшественников Мухаммад-Хайдер, выходец из этих областей, представлял весьма влиятельного рода черас, давшего многих военно-политических деятелей. Сам Шах-Махмуд никак не называет свое сочинение, он ограничивается только словом 'сурѣр' ("листы"), поэтому мы условно назвали его "Хроникой". Термины 'Моголистан' и 'Моголии' объясняются в тексте доклада.

02. "Хроника" - историческое сочинение, написанное по образцу и подобию персидских исторических трудов традиционно-династийного характера, т.е. по периодам правления того или иного хана, в данном случае местной "чагатайской" династии. В определенной степени этот труд можно рассматривать как продолжение Тарих-и Рашиди: обзор исторических событий в нем начинается со времени Юсуф-хана (1415-1487) и доведен до начала правления Ислам-хана в 1670 г. Сочинение посвящено больше соседнему с политической оценкой ставлению событий времени Юсуф-хана.

03. Если "Хроника" не выделяется оригинальностью плана и замысла, как, например, труд Мухаммад-Хайдера, продолжением которого она является, то она отличается от Тарих-и Рашиди простотой стиля, слога и языка, весьма близкого по своему нормам к разговорному. Первая половина сочинения представляет собой краткий пересказ Тарих-и Рашиди, вторая - оригинальна и написана автором самостоятельно.

04. "Хроника" - единственный известный нам труд, составленный в Моголии в XVII в. - естественно представляет большой интерес. В ней содержится в основном изложение непереработанных другими источниками сведения по политической и, в значительно меньшей степени, социальной истории Моголии - Кангарки, а также южных районов Киргизии и Казахстана в преддверии ойратского завоевания. Шах-Махмуд, в общем, беспристрастно фиксирует на страницах своего труда борьбу ханов за укрепление своей власти, опаратистские тенденции наместников - представителей династии младшей линии, их мятежи, возмущение и падение отдельных родов и племен в политической борьбе, роль киргизских биев в этой междоусобице, ак-

тизное именительство ойратов, а также рост влияния и могущества крупных духовных феодалов — черногорских хождей (линия ходжи Исхака). Будучи приверженцем последних авторов, к сожалению, ни словом не обмолвившись о той роли, которую играли в то время в жизни страны представители белогорских хождей (линия ходжи Калана) — политические соперники черногорцев. Последнее обстоятельство несколько снижает значение труда Шах-Махмуда, поскольку не дает полной картины политических событий.

05. Труд в своей оригинальной части основан на рассказах очевидцев и участников событий, на воспоминаниях отца и на личных наблюдениях автора. Однако надежность этого устного компонента — главного источника автора — подтверждается теми весьма немногочисленными сведениями, которые встречаются в исторических и биографических произведениях, созданных в Мавераннахре, Индии и Иране, что, конечно, лишний раз подтверждает точность сведений Шах-Махмуд б. Мирзы Фазил Чораса, которые он ввел в свою "Хранику".

С.И.Баевский, В.Н.Ворожейкина

**"СОБРАНИЕ РЕДКОСТЕЙ" НИЗЪАМӢ 'АРУӢИ САМАРҚАНДӢ КАК
ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ИРАНА
В X-XII в.в. /Обычай/**

I. "Собрание редкостей" (или "Четыре беседы") НизъамӢ 'АруӢи СамарқандӢ (написано в 1156-1157 г.г., относится к числу единичных памятников персидской художественной прозы, дошедших до нашего времени от предмонгольского периода. Художественные достоинства произведения высоко оценены специалистами (Э.Браун, М.Казвини, А.Н.Болдырев и др.). Историко-литературные материалы "Собрания редкостей" (последнее критическое издание — Тегеран, 1957, русский перевод — М., 1963) широко использованы в науке.

2. Как источник культурно-исторических и этнографических сведений сочинение исследовано мало. Между тем, богатство содержащихся в сочинении материалов социально-бытового и нравоописательного характера позволяет говорить о нем как об уникальном документе эпохи, отразившем городскую жизнь и быт двора, в частности быт пригородных поэтов и других групп средневековой интеллигенции (дабиров, астрологов, врачей).

8. Рисуя в живых картинах внутреннюю жизнь феодальных дворов, Низāмī 'Арӯзī приводит описание ряда обычаев, существовавших в Иране и Средней Азии в X-XII в.в. В картинах дворцовых пириеств нашли свое живое отражение обычаи круговой чаша (ук.изд., стр.68, 85); хорового пения стихов под музыкальное сопровождение (стр.57); выставление на царских приемах наряду с угощением нескольких блюд с серебром и золотом для одаривания гостей (стр.74-75); наполнение рта (добавок иногда и рукава) особе угодившего поэта или надане золотыми монетами или драгоценными камнями (стр.57, 71, 105). В составе почетных даров, наряду с деньгами, чаще всего упоминается конь с богатым (золотым) убранством, платье, ковры, палатки, гуламы и невольницы; описываются случаи предоставления поэту права взять себе коней в табуле "сколько захветишь" (стр.64). Низāмī приводит подробное описание случая, когда хозяин одаривает посетившего его царственного гостя: к ногам гостя было высыпано целое блюдо восковых орешков, с виду похожих на жемчужины, в каждом из которых находился листок бумаги с названием приносимых в дар деревьев; орешки были как бы по жребию поделены среди свиты царя (стр.34). При торжественных выездах правителя, гарцующего верхом, существовал обычай нести перед ним золотые и серебряные палицы, число которых доходило до семисот, и другое оружие (стр.78). Детально обрисовано в сочинении празднество, посвященное осеннему клеймению царских табунов (стр.59-60); обычай ожидать появления молодого месяца: тому, кто первый увидит серп новой луны, это служит добрым пред-

знаменованиям (стр.67).

Низāмī 'Арӯзī упоминает также о голубиной почте, применявшейся в военном деле (стр.27); о существовавшей в полицейском смысле практике множественного копирования портрета разыскиваемого лица и рассылки этих портретов по разным областям (стр.120); об обычае палить птицу, чтобы чадом от жёных перьев и мяса привести в чувство потерявшего сознание (стр.134); об изготовлении за плату любовных амулетов по заказу женщин (стр.102).

4. Даже при критическом подходе к исторической достоверности сообщений, на которой строит свои новеллы Низāмī 'Арӯзī, эти описания обычаев могут быть приняты как типологические модели поведения, характерные для определенной эпохи.

А.С.Боголюбов

"МЕСТО "АЛЬ-ФИКХ АЛЬ-АКБАР" АБУ ХАНИФЫ АН-НУ'МАНА В СЛОЖЕНИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ДОГМАТИКИ"

1. Аль-фикх аль-акбар" - самое раннее сочинение по мусульманской ортодоксальной догматике, важное тем, что в нем сформулированы все основные ее положения. На их основе развилась система взглядов, единая для всех мусульман-суннитов.

2. Текст "Аль-фикх аль-акбар" - это запись подлинных мнений Абу Ханифы ан-Ну'мана, сделанная одним из его последователей. В настоящее время практическое авторство Абу Ханифы не оспаривается.

3. В "Аль-фикх аль-акбар" впервые определяется ряд новых религиозных понятий, связанных с учением о качествах (атрибутах) Аллаха. Необходимость этого была вызвана тем, что в середине 8-го века исламизированные персы пользовались в религиозном обиходе не арабской терминологией, а персидской, обычной также в зороастрийской среде. Это

приводило к сближению представлений об Аллахе и о зороастрийском верховном божестве. Допуская употребление персидских обозначений качеств (атрибутов) Аллаха, Абу Ханифа вместе с этим вложил в них совершенно иной смысл, устранив какую бы то ни было возможность истолковать их как антропоморфизм.

4. Дх. Махт отмечает 10 частей, на которые делится сочинение. М. Абу Захра выделяет 4 основных вопроса, которые разбираются в сочинении: вера, греховность, предопределение и свобода воли, несотворенность Корана.

5. Во многих рукописях текст разделен на 8 частей, по которым можно отметить следующие вопросы: 1) единобожие и качества (атрибуты) Аллаха, 2) Коран — речение Аллаха, 3) всемогущество Аллаха и свобода человеческой воли, 4) пророческое достоинство и греховность обычных людей, 5) о добрых делах и воздаянии за них, 6) вера (иман) и ислам, 7) предопределение, 8) о праведности, о достоинстве упоминания в Коране.

6. Противоречие между утверждением о всеведении Аллаха и его предопределении, с одной стороны, и свободе воли, с другой, разрешается при помощи компромисса, который послужил аргументом в полемике с кадаритами и джабаритами, а также имел чисто практическое значение при установлении меры личной ответственности.

7. В "Аль-фиqh аль-акбар" впервые встречается определение различия между нечестием (фаск) и неверием (куфр), которое сыграло важную роль в формировании мусульманского права.

8. "Аль-фиqh аль-акбар" до наших дней остается одним из самых авторитетных сочинений по мусульманскому богословию.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ МИНИАТЮРНОЙ
ЖИВОПИСИ

Турецкая миниатюрная живопись дошла до нас главным образом в качестве иллюстраций к рукописям, в меньшем количестве — в альбомах и на отдельных листах. Время выполнения — вторая половина XV в. — XVIII в. В XIX в. под влиянием Запада появляется станковая живопись, миниатюрная же постепенно прекращает свое существование. Наибольшее количество турецких миниатюр хранится в Турции (в 1955 г. Э.Дид насчитывал до 10000 турецких миниатюр только в библиотеке музея дворца Топкапы). Турецкие миниатюры имеются в Англии и Франции, в меньшем количестве в Австрии, Швеции, Индии, Египте, Америке. В СССР обнаружены лишь единичные экземпляры. В настоящее время известны несколько десятков имен турецких художников средневековья. Хотя миниатюры обычно не подписывались, многие из них удалось идентифицировать. Навысшего расцвета школа достигла в XVI веке.

Большой интерес представляет история изучения этого рода художественных памятников.

Долгое время бытовало мнение, что турки, как сунниты, не имели своей школы живописи, что миниатюры, встречающиеся в рукописях, выполненных на территории Османской империи, сделаны персидскими художниками для султанов, которые якобы позволяли себе не разделять неприязни к живописи, запрещенной кораном. Но этот запрет оказался фикцией. В хадисах такой запрет имеется, но он, повидимому, не распространялся на миниатюрные изображения, а был направлен против сотворения религиозных кумиров. Возможно, что этот запрет превратно толковался широкими массами населения, и это отразилось на официальном отношении к книжным мини-

аттрам. Каково было официальное положение живописи в Османской империи в средние века, окончательно не выяснено до сих пор.

Существование "турецкого направления" в живописи впервые признал Э.Кинель в 1923 г. вместе с признанием о малой изученности этой отрасли искусства. До Кинеля о турецких миниатюрах писали Блоше, Юар, Мартин и др., не признавая за ними национальной самобытности. Вслед за Кинелем изучением турецкой миниатюры занимались Г.Михон (Париж, 1927), Т.Арнольд (Лейпциг, 1929), Сакисьян (Лондон, 1945), Э.Диц (Стамбул, 1946), Вилькинсон (Дублин, 1958), Р.Эттинхаузен (ЮНЕСКО, 1961), И.Шукин (Париж, 1966) и др., но и среди этих исследователей повторялось мнение о подражательности турецких миниатюр другим школам (Арнольд, Вилькинсон).

Лишь И.Шукину принадлежит специальное исследование по этой теме. Все остальные авторы ограничивались изложением сведений о турецкой миниатюре на нескольких страницах - в составе общих исследований о мусульманской миниатюре.

Постепенно были выделены турецкие миниатюры из ранее считавшихся персидскими, разыскивались новые в государственных и частных собраниях, выявлялись имена турецких художников.

С 30-х г.г. XX в. изучением живописи своей страны стали заниматься турецкие искусствоведы: Еткин, Асланапа, Емель Есин, С.Юнвер и др.

С 40-х г.г. XX в. существование оригинальной школы турецкой живописи признается почти всеми исследователями. Накопление фактических сведений позволило охарактеризовать эту школу в целом, выделить ее характерные особенности, отличающие ее от персидской школы. Наиболее полно это сделал Эттинхаузен в 1961 г. И.Шукин (1966) впервые исследовал развитие турецкой школы в период ее наивысшего расцвета на протяжении ста лет (1520-1622) и выявил ее художественные особенности.

Невыясненными остаются проблемы времени становления турецкой школы и определения ее корней. Отсутствие памятников турецкой миниатюрной живописи XIV и начала XV в. не позволяет прийти к окончательному решению этого спорного вопроса. Существующие гипотезы происхождения турецкой миниатюры основаны не на художественном анализе различных стилей живописи сравниваемых стран и народов, а на интуиции исследователей и фактах, подтверждающих лишь исторические связи и культурное общение народов. Среди школ живописи, оказавших непосредственное влияние на становление турецкой школы, различными исследователями называются: среднеазиатская, персидская, сельджукская, уйгурская, итальянская, византийская, китайская, армянская, грузинская.

Только И.Шукин обосновывает свой вывод о заметном влиянии на турецкую школу персидской живописи художественным анализом миниатюр.

Единого мнения по этому вопросу придерживаются турецкие исследователи, утверждающие, что турецкая миниатюра продолжила традиции сельджукской (какова была живопись сельджуков, можно лишь предполагать по сохранившимся обломкам фресок разрушенных дворцов).

Крайних пантюркистских взглядов придерживается турецкий искусствовед Е.Есин, считающая, что народные художественные традиции турков, известные в истории еще 3000 лет до н.э., а также художественные памятники живописи Средней Азии I-XIV в.в. и Восточного Туркестана (уйгуры) легли в основу турецкой живописи XV-XVIII в.в. Эта гипотеза не выдерживает критики, так как по своим художественным особенностям турецкая миниатюрная живопись XV-XVIII в.в. резко отличается от художественных памятников вышеуказанного периода. Степень участия тюркских народов в создании художественных памятников этого огромного периода еще предстоит определить.

Таким образом, школа турецкой миниатюры второй половины XV-XVIII в. признана, охарактеризованы ее художественные особенности по сравнению с персидской живописью. Собра-

но большое количество турецких миниатюр, выявлены имена многих турецких художников и идентифицированы многие миниатюры. В 1966 г. И.Шукин начал исследование истории развития турецкого стиля (в XVI в.). Все еще недостаточно исследованы государственные и частные хранилища для выявления турецких миниатюр (в том числе и в СССР). Дальнейшие розыски, возможно, разрешат вопрос о времени становления турецкой школы, ее истоках, официальном положении в Османском государстве.

Н.В.Елисеева

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ ШАХ-НАМЕ ФИРДОУСИ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ФРАГМЕНТА)

1. Данное сообщение имеет целью на отдельном примере показать подход Фирдоуси к историческому материалу, осмысление им фактов и событий. Суммирование и обобщение подобного рода примеров дает возможность проникнуть в творческий метод Фирдоуси.

2. Для иллюстрации исторической достоверности ряда сведений, приводимых в Шах наме, особенно в части, касающейся Сасанидов, взят фрагмент, рисующий взаимоотношения одного из последних Сасанидов с императором Византии Маврикием. В этом фрагменте упоминается одеяние византийского покроя с крестом, которое Маврикий прислал Хосрову II Парвизу по случаю победы последнего в борьбе за иранский престол над Бахрамом Чубином.

3. Сравнение этого фрагмента по рукописям Шах наме, хранящимся в ЛО ИНА, показывает устойчивость данного текста; оно дает небольшое количество разночтений, не затрагивающих основную суть фрагмента.

4. Сопоставление данного фрагмента с соответствующим местом в таком надежном историческом источнике, каким является Хроника Табари, выявляет близкое сходство обоих

версий — одеяние с крестом фигурирует и у Табары.

5. Это сопоставление показывает, с одной стороны, бережное отношение Фирдоуси к фактам исторической действительности; с другой стороны, при сопоставлении обеих версий отчетливо видна патристическая тенденция Фирдоуси приукрасить факт, подать его в более выгодном освещении — в том случае, если этот факт неблагоприятен для Ирана.

Т.С. Ермазорова

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ПОСТУПЛЕНИИ МОНЕТ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В ХРАНИЛИЩА ПЕТЕРБУРГА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

1. История сложения богатейшего собрания среднеазиатских монет Государственного Эрмитажа еще не изучена. Единственным источником для установления происхождения отдельных коллекций и поступлений монет в Эрмитаж в конце XIX века являются архивные материалы.

2. При ознакомлении с документами архивов ДО ИНА (Азиатского музея), Гос. Эрмитажа, ДИНА (архив Императорской Археологической комиссии) и Монетного двора выясняется, что основные монетные поступления в эти учреждения, главным образом, в Государственный Эрмитаж, поступали из Средней Азии в 80–90-е годы XIX века. В ряде случаев удается выяснить их происхождение (место находки).

3. Большие поступления монет в конце XIX века из Средней Азии объясняются необычайно возросшим интересом к памятникам старины, в связи с первыми археологическими исследованиями, одним из организаторов и вдохновителей которых был Н.И. Веселовский.

4. Именно в это время через Археологическую комиссию из Туркестанского генерал-губернаторства (Самарканд, Ташкент) поступает богатый нумизматический материал — главным образом от частных лиц — узбеков, любителей-нумизматов, коллекции которых достигали нескольких тысяч единиц.

5. Крупнейшим местным коллекционером-нумизматом был Акрам Аскарлов - друг и помощник Н.И.Веселовского, основные сведения о котором собраны Б.В.Лукиным. Собрание монет Акрама Аскарлова насчитывало 15050 единиц, из них 17 золотых, 1498 серебряных и 18585 медных (Архив ЛОИА, ф.1, оп.1, д.48, 1888 г., л.20-26), полный список которых обнаружить не удалось. О ценности коллекции Аскарлова можно судить по составленным А.К.Марковым спискам монет, отобранных для Гос.Эрмитажа (ЦГА УССР, ф.1, оп.11, д.722, л.41-46; архив Гос.Эрмитажа, ф.1, оп.5, 1898 г., д.8).

6. Вторая крупная коллекция принадлежала самаркандскому предпринимателю Мирзо Бухари (умер 1898 г.), из которой для Эрмитажа и Монетного двора в разное время было приобретено несколько сотен монет (архив ЛОИА, ф.1, оп.1, д.66, 1888 г.). Только по одной описи для Эрмитажа было отобрано "4 золотые греческие монеты, 6 золотых среднеазиатских, 19 разных серебряных с головами и фигурами, среднеазиатские, 81 разные среднеазиатские мелкие греческие, 217 серебряных монет с головами" (Архив ЛОИА, ф.1, оп.1, д.66, 1888 г.).

7. Значительные поступления монет связаны с именем Н.И.Веселовского, которым были переданы в Эрмитаж привезенные им из Туркестанского края монеты как обнаруженные во время археологических работ на Афрасиабе и др. городищах, так и купленные у местных коллекционеров - у того же Мирзы Бухари, Душоова, Ходжи Заргера и др. Среди монет, приобретенных у указанных лиц, были 2 персидских дарика, свыше ста гр.-бактрийских монет, индо-бактрийские и сасанидские, монеты "туранские" и бухархудетские и др. (Архив ЛОИА, ф.1, оп.1, д.20, 1888 г.; архив ЛОИА, ф.18, д.462, л.4).

8. Среди монет, купленных у Ходжи Заргера, оказались фальшивые гречко-бактрийские монеты. Этот факт несомненно свидетельствует о возросшем спросе на древние монеты в Средней Азии.

9. Происхождение (место находки) большей части монет,

поступавших из Средней Азии в хранилища Петербурга, неизвестно, только для некоторых из них удастся установить места находок, которыми были Афраснаб (7 серебряных греко-бактрийских монет, 3 серебряные "среднеазиатские" и одна серебряная сасанидская), Чупан-Ата (медная среднеазиатская монета "с двумя головами"), в разных местах в пределах Самарканда (одна серебряная монета Антиоха, 9 золотых и 20 разных монет, каких неизвестно). (Архив Гос.Эрмитажа, ф. I, оп. I, 1889 г., д. 3, л. 4) и др.

10. Из записей в книге поступлений монет в нумизматический отдел Гос.Эрмитажа можно заключить, что в 1892 году вблизи г. Керки был найден большой клад сасанидских монет, одна из которых была передана в отдел. В том же году в Самарканде был найден во дворе местного жителя Бабаджана еще один небольшой клад золотых монет, записанных в книге как неопределенные.

11. Сведений о поступлении в конце XIX века монет в Азиатский музей обнаружить пока не удалось. Поступления за первую половину XIX века отмечены в книге Дорна "Азиатский музей". Собрания Азиатского музея и Монетного двора переданы в Эрмитаж.

Л. Н. Карская

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИРРАНИСТИКЕ И ТОРНОЛОГИИ В ИЗДАНИЯХ КАВКАЗСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО ГЕОГРАФИ- ЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

I. Кавказский Отдел /КО/ Русского Географического Общества был учрежден в целях всестороннего научного изучения Кавказа и сопредельных стран - Персии, Турции и Закавказья. Открытие КО состоялось 10 марта 1851 г. под председательством наместника Кавказа кн. М. С. Воронцова. Первоначально Отдел составили 16 действительных членов Географического Общества, находившихся на Кавказе:

Н.В.Хаников, И.И.Ходзько, И.А.Бартоломей, А.К.Мейендорф, П.К.Услар и др. Помощником Председателя был избран Н.В. Хаников.

2. КО ставил своей задачей собирание географических, этнографических, лингвистических и статистических сведений, снаряжение научных экспедиций, исследование местных архивов, содействие русским и иностранным путешественникам-ученым, а также распространение научных сведений о Кавказе. Но в виду того, что "средства Отдела оказались слишком недостаточными для ведения самостоятельных исследований путем снаряжения экспедиций, то главное внимание Отдела было направлено на издательскую деятельность" ("Известия КО", VI, с.283).

3. С 1852 г. КО начинает издавать "Записки КО". Всего вышло 30 книжек, от 3 до 5 выпусков в каждой (1852-1915 г.г.). Установленный тираж - 600 экземпляров. "Записки" имели 4 раздела: 1) материалы и исследования; 2) критика и библиография; 3) летопись Отдела; 4) смесь.

4. Первые книжки "Записок" были только сборниками нескольких статей, выходившими крайне нерегулярно, по мере накопления материала. Отделу был необходим печатный орган, который бы выходил в свет в меньшем объеме, но чаще и сообщал бы текущие новости науки. Таким органом стали "Известия КО". Всего вышло 25 тт., по 2-4 выпуска в томе, годы издания - 1872-1917. В "Известиях" печатались материалы небольшого объема (исследования большего объема по-прежнему издавались в "Записках"), значительно расширились разделы "Критика и библиография" и "Хроника". Появился новый раздел - "Приложения", где печатались в русском переводе различные географические исследования по Персии и Турции, извлеченные из журналов географических обществ Лондона, Парижа, Берлина и Вены (исследования В.Штреккера, Д.Тэйлора, Г.Кипперта, И.Е.Полака, Генгче, Д.Пальгрэва и др.).

5. За 65 лет деятельности КО опубликовал в своих изданиях массу самого разнообразного материала (в докладе учитываются материалы только по иранистике и тюркологии).

Большую часть составляют исследования по географии Кавказа, Персии, Турции и Закаспийского края — исследования по оро- и гидрографии, геологии, метеорологии, зоологии и ботанике, топографии и картографии (исследования Г.В.Абиха, Н.И.Радде, И.И.Ходазко, Н.Зарудного, И.И.Стебницкого и др.). Значительное место занимают исследования по этнографии и антропологии иранских и турецких народов: персов, татов, талышей, осетин, курдов, турок, азербайджанцев, туркмен, карачаевцев, ногайцев, казахов /работы В.Б.Пфафа, Н.А.Динника, Г.Чурсина, Р.Ф. фон Эркерта, В.А.Гордлевского и др./.

Третью группу материалов составляют многочисленные статистические данные — сведения о численности населения, о распределении его по национальностям, вероисповеданиям и по роду занятий, сведения о состоянии финансов, торговли, промышленности, здравоохранения, образования и т.д. Это в основном сведения официальные — данные переписей, отчеты губернских статистических комитетов, консульские отчеты и т.д.

6. Необходимо отметить, что среди географических исследований особенно большое место занимают топографические и картографические материалы. Это объясняется тесной связью, существовавшей между КО и Военно-Топографическим Отделом Кавказского Военного Округа. Военно-Топографическим Отделом под руководством И.И.Стебницкого были изданы: 20-верстная карта Персии (с критическим обзором источников), 20-верстная карта Кавказа с прилегающими частями Персии и Турции, 20-верстная карта части Закаспийского края (Туркмении), 50-верстная карта Турции, Персии, Афганистана и Белуджистана и другие карты, которые равняются "по своим достоинствам работам лучших картографических заведений Европы" ("Известия КО", III, с.171). На страницах "Известий" и "Записок" КО помещено множество маршрутов, пройденных офицерами корпуса военных топографов в Средней Азии и на границах с Персией и Турцией (работы кап.Маркозова, Я.Д.Малома, полк.Скубелева, полк.Глуховского, Н.Г.Петрусовича, И.И.Стебницкого, полк.Ломанина

и др.). Кроме того, офицеры Военно-Топографического Отдела, проводя рекогносцировочные и триангуляционные работы, собирали ценнейший этнографический материал - сведения о туркменах, курдах, шохсевенах, об их численности, образе жизни, племенных и родовых названиях, топографии их кочевий.

7. На страницах изданий КО с самого начала большое внимание уделялось библиографическим работам. В "Известиях КО" раздел "Критика и библиография" был самым большим по объему. Здесь помещались рецензии, обзоры, информация о выходе в свет различных изданий - монографий и журнальных статей о Кавказе, Персии и Турции как в России, так и в Европе. Особую ценность для современных исследователей представляют широко аннотированные указатели географических, этнографических и статистических материалов, составленные для местных газет: "Кавказ", "Кубанские ведомости", "Туркестанские ведомости", "Ставропольские губернские ведомости" и др. В ряде случаев в таких указателях помещались не только извлечения из газетных статей, но и перепечатывались целые статьи.

8. Все материалы, помещенные в "Известиях" и "Записках" КО, войдут в аннотированную библиографию отечественных работ по арабистике, иранистике и тюркологии, над составлением которой ведется работа в ЛО ИНА.

С.Г.Кляшторный

НАДПИСИ ТЕПСЕЯ

I. Летом 1967 г. докладчику, работавшему в составе Красноярской археологической экспедиции, удалось познакомиться с обнаруженным в 1904 г. Адриановым и оставшимся неопубликованным петроглифическим комплексом на скалах Тепсея (правый берег Енисея и устье Тубы). Важной частью комплекса являются 10 небольших древнетюркских

рунических надписей. Некоторые из них сохранились достаточно полно и могут быть прочтены. Надписи хорошо датируются древнекыргызской эпохой.

2. Одна из надписей передает древнекыргызское название скалы — бэдиалиг кайя "скала с рисунками". В трех других содержится упоминание "счастливого на небе Тебшея (Тепсея)", героя, имя которого сохранилось в современном топониме. В текст одной из этих надписей вставлена родовая тамга, основной элемент которой — крест. На этой же скальной плоскости выбита фигура человека в долгополом одеянии.

3. Подобные изображения на енисейских скалах, датируемые кыргызской эпохой, были уже изданы Аппельгреном—Кивало. Эти фигуры людей с высокими носами и густыми бородами, в широких и длинных одеяниях и высоких митрообразных шапках, интерпретированы О.Менхен-Хелфеном как изображения манихейских священнослужителей сирийского или согдийского происхождения. Распространение среди кыргызских племен одной из переднеазиатских религий подтверждается и фиксируемым в древнекыргызской эпиграфике арамейским термином мар, получившим в тюркских языках Центральной Азии специфическое значение "манихейский или христианский наставник в вере, клирик". Эти священнослужители названы в уйгурских текстах В.Туркестана тюркским словом узунтолуг "долгополые".

4. Однако манихейская принадлежность засвидетельствованных иконографических материалов не может быть доказана. Более того, наличие в составе древнекыргызских тамг знаков простого креста и "креста на горке" (символ Голгофы) говорит скорее о христианском (несторианском) влиянии. Об этом же возможно свидетельствует и изменение погребального обряда у части кыргызских племен — трупосожжение было заменено погребением (манихеи не предавали земле тело умершего).

5. Вместе с тем, сохранившийся вплоть до XI в. обряд трупосожжения и сведения письменных источников о шаманских радениях у кыргызов показывают, что хотя христианство и было распространено среди некоторой части кыргызских племен, оно не вытеснило местных шаманских культов и не оказало глубокого воздействия на культуру древних кыргызов. Воспри-

ятия христианства содействовали не только идеологические сдвиги в древнекыргызском обществе, сколько особенности политической ситуации.

А.И. Колесников

ПЕХЛЕВИЙСКИЕ СОЧИНЕНИЯ В АРАБСКОЙ ОБРАБОТКЕ

1. При скудости оригинальных светских сочинений на среднеперсидском языке открытие и публикация каждого нового памятника пехлевийской литературы представляет исключительный интерес. В этой связи особую ценность имеет открытие итальянского ученого М.Гриньяски (M. Grignaschi. *Quelques especimens de la litterature sassanide*. JA, t.254, fasc.1, Paris, 1966, pp.1-142). Работая над арабской рукописью начала ХУП в., он обнаружил в ней несколько самостоятельных трактатов, которые оказались переводами пехлевийских сочинений. Догадка подтверждалась тем, что их названия или начало почти дословно совпадают с названиями, упомянутыми в "Фихристе" ан-Надима. Сама рукопись является копией довольно древнего списка (VI в., хидры), который, в свою очередь, составлен из произведений II-III в.в. х., когда переводческая деятельность в Иране была в самом разгаре. Интересующий нас фрагмент рукописи включает следующие рассказы:

а/ "Завещание Ардашира сына Папана тому из персидских царей, кто станет его преемником";

б/ сочинение без названия; его начало почти повторяет заголовок сочинения, отмеченный в "Фихристе" как "Книга, которую Ардашир приказал извлечь из сокровищницы книг, составленной мудрецами для руководства";

в/ произведение без названия, приписываемое Ибн ал-Мукаффе;

г/ небольшой фрагмент "Решения персидских мудрецов о

благоденствии".

Издатель поместил их арабский текст, сопроводил его французским переводом и пространным комментарием. Кроме того, он дал французский перевод и комментарий части пехлевиийского "карнамака", сохранившегося в арабской версии Ибн-Мискавейха.

2. Некоторые данные говорят за то, что мы имеем дело с переводами, подвергшимися определенной обработке. Но редактирование коснулось, главным образом, формы произведений.

3. С точки зрения содержания заслуживают рассмотрения отрывки из "карнамака" и первые два рассказа рукописи. Из "Книги деяний Ануширвана" переведена та часть, где повествование ведется от имени самого шаханшаха. В двенадцати эпизодах государь рассказывает о решениях, принятых им в том или ином случае /при попытке покушения на его особу, в разговоре с еретиком, в упорядочении системы налогообложения, при решении различных внешнеполитических вопросов и т.д./. "Завещание Ардашира" представляет собой предостережения наследнику от промахов, которые могут привести к гибели государства. Эти предостережения касаются его внутренней политики. Среди повторяющихся житейских советов — воздерживаться от гнева, алчности, гордыни, от опьянения властью, в борьбе со страстями полагаться на разум — внимание правителя сосредотачивается на трех основных заповедях: а/ оберегать основы религии и не допускать появления ересей, б/ поддерживать неизбежность сословного деления общества, в/ заботиться о достойном преемнике. Второй рассказ рукописи, условно названный "Айин Ардашира", закликает в себе правила поведения для высшей знати и сообщает дополнительные сведения о сословиях и структуре иранского общества. Царские предписания регламентируют повседневную деятельность знати: распорядок дня, формы одежды, церемонии пиров, развлечения, обращение с женами, воспитание детей. Все это подчинено главной задаче: сохранить порядок в стране, который, как

полагает автор, будет поддерживаться до тех пор, пока не произойдет смешения классов. Третий рассказ состоит из высказываний высших должностных лиц на церемонии по случаю весеннего праздника ноуруза, а четвертый — из высказываний, приписываемых шаханшахам и мобедан-мобеду Азер Гушвицу /маловероятно, что последнее произведение восходит к сасанидскому оригиналу/.

4. В вопросе датировки первоначальной редакции памятников первыми годами правления Бэдигерда III /"Завещание Ардашира", "Айин Ардашира"/ или началом V в. /"Книга деяний Ануширвана"/ мнение издателя не вызывает возражений. Но вряд ли оправдано желание М.Гриньяски приурочить ко времени Бэдигерда "Письмо Тансара" на основании частичного сходства его с "Завещанием Ардашира". Немногочисленные тематические параллели объясняются скорее общими проблемами, чем одновременностью написания сочинений. Необоснованно и утверждение, что в этих двух произведениях можно видеть отголоски полемики между сторонниками высшего зороастрийского духовенства и придворной знати: позиции жречества при преемниках Хосрова II были значительно ослаблены, чтобы оно могло претендовать на первую роль в управлении государством.

5. Перечисленные памятники имеют важное значение для социальной и политической истории Ирана середины V в. и кануна арабских завоеваний. Открытие М.Гриньяски показывает, что число пехлевийских сочинений, сохранившихся в переводах и переработках, значительно больше, чем предполагают исследователи.

ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В 1816-
1890-х г.г. /ПО ФОНДАМ АРХИВА АКАДЕМИИ НАУК СССР/

Университетское петербургское востоковедение с самого начала своего зарождения было связано с Академией наук. Общность научных интересов, деловые и личные знакомства профессоров университета с членами Академии, участие последних в преподавательской деятельности - все это привело к тому, что в фондах востоковедов-академиков, хранящихся ныне в Архиве АН СССР, отложились определенные материалы по истории востоковедения в Петербургском университете в XIX веке.

В настоящем обзоре материал расположен по фондам, а внутри фонда - по тематическому принципу.

Бартольд Василий Владимирович /1869-1930/. Фонд 68. В данном фонде особо следует отметить материалы, характеризующие В.В.Бартольда как автора капитальных трудов по истории отечественного востоковедения /среди них - неопубликованная статья об истории изучения мусульманского мира в России - оп. I, ед.хр. 239; сборники документов для "Материалов по истории факультета восточных языков" - оп. I, ед.хр. 232-235/.

Березин Илья Николаевич /1818-1896/. В Архиве АН СССР нет фонда И.Н.Березина - с 1855 г. преподавателя турецко-татарской словесности на факультете восточных языков. Но в фондах других лиц хранятся его письма, в частности переписка с И.И.Срезневским, как цензором работ И.Н.Березина /ф.216, оп.5, ед.хр.48/.

Васильев Василий Павлович /1818-1900/. Фонд 775. В фонде В.П.Васильева - первого преподавателя китайского языка в Петербургском университете /1855-1900 г.г./ пред-

ставляют интерес несколько составленных им учебных программ /оп.1, ед.хр. 179-180/, а также сведения, характеризующие его как декана /с 1878 по 1893 г.г./ и как человека, которого волнует судьба отечественного востоковедения. Сюда относятся докладные записки, черновые наброски к ним и официальная переписка о преподавателях факультета И.И.Захарове, К.Ф.Толстунском и др. /оп.1, ед.хр.188-192 и др./.

Владимирцов Борис Яковлевич /1884-1931/. Фонд 780. Фонд Б.Я.Владимирцова, в основном, относится к XX веку. Однако его личное студенческое дело дает представление о порядке приема в университет в к.XIX - нач.XX в.в. /оп.2, ед.хр.1/. Заслуживает внимания неопубликованная статья "Несколько слов о преподавании восточных языков в Париже" /1906 г./, так как несомненно, что описанная в ней картина относится и к концу XIX в. /оп.1, ед.хр.22/.

Григорьев Василий Васильевич /1816-1881/. Разрозненный материал о В.В.Григорьеве - первом представителе кафедры истории Востока в Петербургском университете /1863г./ /фонда его в Архиве АН СССР нет / включает биографические сведения о нем, составленные В.Я.Стольниковым /ф.111, оп.1, ед.хр.105/, вариант верноподданнического письма, составленного от имени студентов В.В.Григорьевым /ф.216, оп.3, ед.хр.51/, а также письма его к Я.К.Гроту, А.А.Кунику и др. /ф.137, оп.3, ед.хр.280; ф.95, оп.2, ед.хр.282/.

Дорн Борис Андреевич /1805-1881/. Фонд 789. Наиболее интересная группа материалов из фонда Б.А.Дорна связана с вкладом его в университетское преподавание санскритского /1838-1842 г.г./ и афганского /1855-1857 г.г./ языков /оп.3, ед.хр.15,17/. Связи преподавателей университета с Азиатским музеем отражены в личной и официальной переписке Б.А.Дорна в качестве директора музея.

Залеман Карл Германович /1849-1916/. Фонд 87. В фонде К.Г.Залемана хранятся материалы его деятельности в Петербургском университете /с 1875 г./ в качестве преподавателя "зендского" и среднеперсидского языков /оп.1,3/.

Козин Сергей Андреевич /1879-1956/. Фонд 886. В дан-

ном фонде по описываемой теме имеются лишь "Биографические сведения о тюркологах В.Ф.Диттеле, Б.А.Максимове, М.К. Османове, И.В.Петрашевском /оп.1, ед.хр.23/ - вероятно, материалы к биографическому словарю.

Коковцов Павел Константинович /1861-1942/. Фонд 779. Автобиография П.К.Коковцова - студента /1880-1884 г.г./ и преподавателя /с 1894 г./ сирийского и еврейского языков в Петербургском университете, письма к нему В.Р.Розена и других востоковедов и ряд официальных бумаг пополняют наши знания по истории Факультета восточных языков /оп.3, ед. хр.1 и др./.

Мерр Николай Яковлевич /1864-1934/. Фонд 800. Материалы фонда в подавляющем большинстве относятся к XX веку /по теме см. оп.4, ед.хр.17,33/.

Ольденбург Сергей Федорович /1863-1934/. Фонд 208. О Петербургском университете 80-90-х годов XIX в. в фонде С.Ф.Ольденбурга мы находим сведения в письмах к нему В.Р. Розена и А.О.Ивановского /оп.8, ед.хр.496, 231/, а также в материалах, относящихся к студенческим годам /1881-1885/.

Радлов Василий Васильевич /1837-1918/. Фонд 177. В данном фонде к описываемой теме относятся лишь письма /опись 2/ к В.В.Радлову от В.П.Васильева, Н.И.Веселовского, Н.Ф.Катанова и других лиц, связанных с университетом.

Розен Виктор Романович /1849-1908/. Фонд 777. Об одной из черт такой многогранной личности как В.Р.Розен - его стремлении к личным связям со многими востоковедами как заслуженными, так и начинающими, свидетельствует значительное количество писем к нему, содержащих интересные сведения о Факультете восточных языков /опись 2/. Некоторые разрозненные материалы фонда характеризуют связи Факультета и его декана В.Р.Розена с другими учреждениями страны.

Самойлович Александр Николаевич /1879-1938/. Фонд 782. В данном фонде можно отметить записку В.В.Бартольда "Главные возражения против программ, предлагаемых специалистами-тюркологами", б/д /оп.2, ед.хр.6/.

Френ Христиан Данилович /1782-1851/. Фонд 778. Одна

из сторон многогранной деятельности Х.Д.Френа - его вклад в университетское востоковедение - нашла отражение в документах, личной и официальной переписке Х.Д.Френа с преподавателями восточных языков /описи I и 2/.

Щербатской Федор Ипполитович /1866-1942/. Фонд 725. По рассматриваемой теме в этом фонде мы находим лишь "Формулярный список о службе Ф.И.Щербатского" /опись 2, ед.хр. I/.

В настоящем обзоре описаны все фонды Архива АН СССР, содержащие материалы по истории преподавания восточных языков в Петербургском университете 1816-1890-х годов.

Б.Е.Кумекон

СТРАНА КИМАКОВ ПО АЛ-ИДРИСИ

Рассказ ал-Идриси о стране кимаков настолько отличается от сведений других мусульманских источников, что трудно уловить между ними какую-либо зависимость. Быть может, поэтому рассказ ал-Идриси еще не стал объектом самостоятельного изучения. Между тем, ал-Идриси является единственным автором, чьи сведения опираются на письменную информацию из кимакской среды - книгу Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки. Сведения об этом авторе отсутствуют, но его книга послужила, вероятно, основным источником при описании страны кимаков. Никто из мусульманских географов как предшествовавших ал-Идриси, так и относящихся к позднему времени, не называет эту книгу в числе своих источников и не упоминает имя Джанаха ибн Хакана ал-Кимаки, что делает "Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак" ал-Идриси в части описания страны кимаков уникальным источником.

В трудах В.В.Бартольда, И.Маркварта, В.Ф.Минорского проанализированы сведения о стране кимаков у Ибн Хордадбега, Кудамы, Мекдиси, Мас'уди, в "Худуд ал-алам" и у Гардизи, согласно которым центром объединения кимакских племен была местность на правом берегу Иртыша; кимаки были исключитель-

но скотоводческим кочевым народом и в их стране был всего лишь один город, где летом жил царь кимаков ("Худуд ал-алам"); в состав кимаковского племенного союза генетически входили, но в X в. уже выделились и заняли территорию в степях между Иртышом - Сыр-Дарьей - Волгой кипчаки; часть кимаков в X в. стала соседями мусульманских областей Туркестана (Мақдиси); существовали торговые пути в страну кимаков (Ибн Хордадбех: из Тараза 81 день; Гардизи: из Янгикента в дельте Сыр-Дарьи); в X в. кимаки вели войны с гузами и тогуз-огузами; титул царя кимаков по Гардизи шад-тутук, а позднее - ябгу.

Согласно ал-Идриси наиболее населенной областью страны кимаков были берега оз.Гаган, южная оконечность которого находилась в 26 дневных переходах от Ахсикета (в Фергане). Вокруг этого озера, а также к западу и к СВ от него, на расстоянии 24 дневных переходов было расположено 16 городов, принадлежавших хакану кимаков и "кимакским царям". Каждый из этих царей сидел в одном из городов и имел свое войско, но все они подчинялись хакану (ср."Худуд ал-алам": "царь кимаков называется хакан. Он имеет одиннадцать заместителей в пределах страны кимаков и их уделы передаются по наследству детям этих заместителей"). Наиболее крупными городами кимаков был город царя кимаков, Карантия и Гаган; последние два располагались на берегах оз. Гаган. Жители городов занимались изготовлением тканей, одежды, железных изделий, участвовали в караванной торговле с другими областями, возделывали поля (называются культуры пшеницы, ячменя и риса). Остальное население занималось скотоводством и рыболовством.

Расчет расстояний, указанных ал-Идриси, и описываемая им географическая обстановка позволяют полагать, что упоминаемое им оз.Гаган - система Алакульских озер, еще в XIII в. образовавших одно целое (В.А.Обручев, К.В.Курдюмов, А.В.Шнитников и др.). Археологическими исследованиями последних лет открыта целая городская культура (городища, селища, ставки-убежища, караван-сарай) в юго-восточном Прибалхашье и Алакульской впадине, возникновение которой

относится к IX-X в.в.; напластования XI-XII в.в. нигде не перекрываются более поздними слоями.

Материал раскопок позволяет установить в этих городах наличие двух групп населения: пришлого среднеазиатского и автохтонного, связанного по происхождению с кочевой средой.

Сопоставление этих данных со сведениями ал-Идриси, а также краткими замечаниями других мусульманских географов позволяет прийти к выводу, что в IX-X в.в. происходила миграция кимакских племен как в северо-западном направлении (кипчаки), так и на юго-запад. Юго-западная миграция завершилась освоением кимакскими племенами сев.-вост.Семиречья, их частичным оседанием в зависимых от них поселениях, как расположенных на торговых путях, так и чисто земледельческих (преимущественно в поймах рек и вблизи озер). На территории от Среднего Иртыша до Джунгерских ворот возникло варварское кимакское государство во главе с каганом, имевшее удельно-племенную структуру и центральные органы управления. Имеются сведения о военной экспансии этого государства как в сторону среднесырдарьинских городов, так и в сторону Уйгурского (токуз-огузского) государства в Туркестане. Упадок и исчезновение этого государства относятся к XI-XII в.в. н.э.

А.Г.Дундин

НОВАЯ САБЕЙСКАЯ НАДПИСЬ С ФОРМУЛОЙ ḏarḡuḥw

I.O. Палеографические исследования Ж.Пирени позволили ей установить, что фрагменты RES 3902 № I48, RES 3902 № I49 и RES 4215 представляют части единой надписи.

I.I. При реконструкции текста Ж.Пирени приходит к выводу, что имена авторов сопровождалась формулой ḏarḡuḥw. Она не упоминает о связи формулы с эпониматом и предлагает новую интерпретацию глагола ḡru как "заменять, заме-

цать".

1.2. Обычай, связанный с формулой, I.Пирени понимает как посвящение, совершаемое от имени авторов какими-то "заместителями", чем и объясняется редкость надписей такого типа.

1.3. На деле открытие новой надписи с формулой $\delta\alpha\rho\upsilon\eta\omega$ подтверждает нашу интерпретацию формулы и связанного с ней обычая.

2.0. В начале нового текста сохранилось лишь одно имя посвятителя (из четырех) – Кариб^Сасат – и название рода Сахар.

2.1. То же имя рода и имя лица можно найти в другой надписи с формулой $\delta\alpha\rho\upsilon\eta\omega$ – Ja 567. В обеих надписях Кариб^Сасат занимает третье место в перечне авторов.

2.2. Возникает предположение, что авторами обоих текстов являются одни и те же лица. Действительно, подстановка известных по Ja 567 имен позволяет полностью заполнить лакуны в строках 1–2 реконструируемого текста.

2.3. При очень незначительном числе надписей с формулой $\delta\alpha\rho\upsilon\eta\omega$ уже второй раз обнаруживаются парные надписи, происходящие из одной семьи (Ja 589 и C1H 436; Ja 567 и RES 3902 № I48+I49+ RES 4215). По-видимому, и в надписи Ja 664, упоминающей род Сахар, при имени автора следует восстанавливать ту же формулу.

2.4. Это подтверждает высказанное нами мнение, что обычай, связанный с формулой $\delta\alpha\rho\upsilon\eta\omega$, был наследственным для определенных сабейских родов или категорий лиц и заключался в том, что каждое из этих лиц при рождении получало специальный оракул, передававшийся эпонимом.

3.0. Новые упоминания эпонимов позволяют уточнить датировку некоторых событий этого периода. Нужно лишь учитывать, что формула $\delta\alpha\rho\upsilon\eta\omega$ дает только *terminus ante quem* под.

3.1. Эпоним Наша'кариб, который сообщил решение оракула Кариб^Сасату, идентифицирован с № 35 нашего списка (242–248 г.г.). По-видимому, следующему автору RES 3902 № I48+I49+ RES 4215 должен соответствовать либо эпоним

№ 35, либо № 36.

3.2. Надпись упоминает также царей Саба' и зу-Райдана - братьев 'Илшараха Йахдуба и Йа'зила Баййина, но это противоречит сложившимся представлениям о последовательности сабейских правителей первой половины III в. н.э.

3.3. Обычная схема такова: 'Илшарах и Йа'зил (с 210-212 г.г.), затем единоличное правление 'Илшараха (начало - между 212 и 233 г.г.) и его сына Нама'кариба Йу'мина (с 242-248 г.).

3.4. Новая надпись с упоминанием эпонима показывает несостоятельность этой схемы.

3.5. Этот вывод подтверждает и недавно изданная надпись Sh 22, сообщающая о совместном правлении Нама'кариба Йу'мина и его дяди Йа'зила Баййина.

Н.Д.Миклухо-Маклай

"ЗАПИСКИ" БЭБУРА И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVI - XVII в.в.

1. "Записки" Бэбура (888 - 937/1483-1530) являются выдающимся памятником не только мемуарной, но также и географической литературы на чагатайском (староузбекском) языке. Находящиеся в "Записках" описания Ферганы, бассейна Зеравшана (главным образом Самарканда), Афганистана (главным образом Кабульского района) и северной Индии справедливо могут считаться классическими для своего времени.

2. Естественно, что вопрос об использовании "Записок" в географической литературе, в частности в географической литературе XVI - XVII в.в. на персидском языке, имеет немалое значение для всесторонней оценки роли "Записок" в культурной и научной жизни указанного периода.

3. Начало использованию "Записок" в историографии было положено современником Бэбура - известным историком Хондамир-ром в позднейшей редакции его труда Хайб ас-сийар (состав-

лена между 935/1529 г. и 942/1536 г.). Однако географическая часть "Записок" в географическом "приложении" к Хабіб ас-сийар Хондамиром учтена не была.

4. По-видимому, впервые в географической литературе использовал "Записки" Бабур Амйн Раъй в своем труде Хафт иқлим, написанном в 90-х годах XVI. Здесь "Записки" использовались очень широко. Описания таких городов как Самарканд, Бухара, Кеш (Шахрисяб), Карши, города Ферганы, города Афганистана (Кабул и Газна), целиком или частично основаны на данных "Записок".

5. Обращаясь к среднеазиатской географической литературе XVI-XVII в.в. на персидском (таджикском) языке, мы сталкиваемся с очень любопытным фактом: в ней "Записки" Бабура, по-видимому, не нашли никакого отражения. Об этом можно судить по Маджма' ал-Ғарā'иб - труду XVI в. (автор - Султāн Мухаммад ал-Муфти ал-Балхи) и по 'Аджа'иб ат-Табаккат - труду XVII в. (автор - Мухаммад Тāхир). Об этом же, по всей вероятности, свидетельствует и географический раздел в Бахр ал-Асрār - труда смешанного характера, написанного в Средней Азии в XVII в. (автор - Махмūd ибн Вали).

Наконец, не менее показательным является и такой факт: описание Самарканда, приводимое в Шараф-Нама-и Шāхӣ (автор - Хадива-и Таныш) - самом фундаментальном памятнике среднеазиатской историографии XVI в., заимствовано не из "Записок" Бабура, а из труда Хадива-и Абрӯ (первая треть XV в.).

6. Это отсутствие резонанса на "Записки" Бабура в среднеазиатской географической (а может быть, и исторической) литературе XVI-XVII в.в. представляет несомненный интерес в культурно-историческом плане и требует своего объяснения.

СВЯЗЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ С ИМЕНАМИ ГОРНЫХ БОЖЕСТВ В ТЕКСТЕ ПЯТОЙ ГЛАВЫ ТИБЕТСКОГО ЭПОСА О ЦАРЕ ГЭСАРЕ

Несмотря на длительный срок изучения, район действий тибетского эпоса, место существования страны Линг не определены с достаточной точностью. Существуют различные точки зрения по поводу того, где разворачивалось действие эпоса, где могло существовать государство Линг. Изучением местоположения этой страны занимался Р.Штейн, в его работах есть несколько карт Линга. Ц.Дамдинсурен считает, что царство Линг существовало в районе озера Кукунор и Хуанхэ, к работе прилагается карта походов Гэсара. Вероятно, одним из возможных путей локализации места действия тибетской Гэсариады является определение района событий каждой главы эпоса. В пятой главе эпоса под названием "Глава о войне с хорами", которая хранится в рукописном отделе ГПБ под шифром Тиб.Н.С. 59, точно указываются границы Линга. При этом, довольно часто, вместо Линг употребляется Бод /собственно Тибет/ и, таким образом, происходит отождествление легендарной страны Линг с Тибетом. Границы Линга, согласно этому тексту, совпадают с границами Тибета. Основные опорные пункты этой границы одновременно являются резиденциями локальных тибетских божеств, воспринятых буддийским пантеоном.

В повествовании воины Линга, осматривая границы своей страны, делают приношения тем божествам, имена которых используются в тексте, как географические названия. *Byang gñan chen thang lha* - горная цепь, опоясывающая Тибет с запада на восток, расположена на севере Тибета. *Byang gñan chen thang lha* - горный бог Севера, насылающий снежные бури, был противником Падмасамбавы, на пути последнего в Тибет. Падмасамбава обратил

этого бога в буддизм. Byang gñan chen thang lha стал считаться эманацией Vajrapani (phyag na rdo rje) в то же время этот горный бог - покровитель горы dman pori, на которой стоит Потала. Gnam mtcho phyug mo - озеро на севере Тибета, в районе хребта Byang gñan chen thang lha. Gnam mtcho phyug mo - богиня, женская эманация бога Gñan chen thang lha, относится к классу bstan-ma - класс богинь, входящих в окружение dpal ldan lhamo, покровительница буддийской доктрины. Ее второе имя rdo rje kun graqa pa - властительница Востока. Относится к группе древнейших божеств, побежденных Падмасамбавой.

Mon gyis jomo lhari - горный пик на границе с Бутаном. Mon gyis jomo lhari - горная богиня, ее имя связывается с сектой 'brugpa в Бутане, горные боги способствовали распространению этой секты в Бутане.

Gtsang jomo ka-rag - гора в западном Тибете, у подножия которой находится селение под тем же названием. Одновременно - резиденция богини rdo rje dpal gyi uum, одной из двенадцати богинь класса bstan-ma - покровительниц буддизма. Dbus od gur rgyal - гора в провинции Уй /центральный Тибет/.

Dbus od gur rgyal - самый древний бог среди горных божеств Тибета, считается отцом Byang gñan chen thang lha.

Rgya nag ribortse lnga - пять горных пиков у истоков Хуанхэ.

Rgya nag ribortse lnga - владыка всех богов класса sabdag в Китае.

Za ser mgo la gyon drari - shar tsong Khramoiri - гора в уезде tsong Kha в Амдо.

Одновременно восточная tsong ka место рождения Цзонхавы. В данном случае происходит обратный процесс: уже не локальные божество входит в буддийский пантеон, а место, связанное с рождением тибетского реформатора, канонизируется в виде горного бога в пантеоне богов класса

Khamz gma chen sromga - горная цепь, лежащая к

игу от озера Кукунор, более популярное название *Amnye-ma-cheu*. *Khams ma cheu yron ga* - горный бог, хранитель Востока, почитается племенами иголок. Введен в пантеон секты гэлупа Цзонхавой. Этот же бог покровитель монастыря Галдан. Один из главных бонских богов, считается покровителем Бон. *Jomo ganga dkar* - горный пик волизи *Phari*. *Jomo ganga dkar* - богиня, относится к группе *dge bañen* класс богов, предохраняющий людей от заболеваний, одна из древнейших групп тибетских богов. Удалось отождествить только девять из четырнадцати имен богов и названий местности. Часть из перечисленных географических названий можно найти на современной карте Тибета /например, на политической карте КНР/. Использование местных культов божеств при обозначении местности является важным свидетельством в пользу северо-восточного происхождения данной рукописи. Опознанные географические названия позволяют заключить, что события, описанные в данной версии пятой главы эпоса, происходят, по-видимому, на территории Тибета. Поэтому с такой легкостью происходит подмена одного названия на другое /Линг на Бод/. Границы Линга совпадают с границами Тибета УП-IX веков, включающих район озера Кукунор.

Р.Р.Орбели

НОВЫЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ О МИРЗЕ ДЖАФАРЕ ТОПЧИБАШЕВЕ /ПО МАТЕРИАЛАМ СОБРАНИЯ ГРУЗИНСКИХ РУКОПИСЕЙ/

Мирза Джафар Топчибашев /1790-1869/, профессор Петербургского университета, переводчик и преподаватель учебного отделения при Азиатском департаменте МВД, был, по отзывам коллег, "азиатец весьма способный и усердный к своему делу" ¹⁾, "преподаватель в высшей степени полезный" ²⁾. Начав преподавать в январе 1819 г. в качестве помощника профессоров Х.-Ф.Деманжа и Ф.-Б.Шармуа в Главном Педагогиче-

ском Институте (за месяц до его реорганизации в университет), с 1835 по 1849 г. проф.Топчибаев заведывал кафедрой персидского языка и словесности факультета восточных языков, а при Азиатском департаменте работал с 1823 г. до середины 60-х г.г. В 1839 г. М.Дж.Топчибаев был сотрудником "Отечественных записок" ³⁾, а с 1846 г. - членом-основателем Русского Археологического общества, где благодарные ученики избрали его управляющим отделом восточных древностей ⁴⁾. Таковы основные вехи деятельности М.Дж.Топчибаева, начиная с 1819 г., известные главным образом из сведений, собранных В.В.Григорьевым ⁵⁾.

Тридцать лет деятельности в университете М.Дж.Топчибаев посвятил обучению студентов персидскому языку, с переводами и разбором памятников персидской литературы /в 40-х г.г. он временно преподавал и османский/. Современники несомненно ценили и восточную образованность "природного персиянина", и способности его, и доброту, но в наши дни деятельность М.Дж.Топчибаева получила более высокую оценку, так как, видя в нем знатока классической персидской литературы и первого на кафедре интерпретатора персидского текста как памятника художественной литературы, советские иранисты отмечают серьезное значение занятий Топчибаева в истории преподавания персидской литературы на факультете ⁶⁾.

Сведения о жизни М.Дж.Топчибаева, в особенности в годы его молодости, довольно скудны, а отчасти неверны. Между тем, в собрании грузинских рукописей Ю ИНА сохранились материалы, позволяющие осветить факты этой биографии, до сих пор неизвестные, и внести уточнения в некоторые сведения, давно укрепившиеся в научной литературе.

Прежде всего, необходимо напомнить отдельные факты, известные В.В.Григорьеву по формуляру М.Дж.Топчибаева, по его рассказам и по своим воспоминаниям.

Из некролога следует, что М.Дж.Топчибаев родился в г.Гяндже, приблизительно в 1790 г., в детстве был перевезен в Тбилиси и в 1795 г. оказался свидетелем нашествия Ага-Мухаммед-хана. Образование М.Джафер получил

в медресе, где изучил арабский язык, и в молодости посетил "некоторые части Персии, сопредельные с нашим Закавказьем, а затем к нам в Петербург явился в 1817 г. с бывшим тогда персидским посольством. Жизнь между "неверными" понравилась молодому и красивому Мирзе; Персидское посольство возвратилось во-свояси, а он остался в Петербурге и поступил на русскую службу"... Далее В.В.Григорьев сообщает, что кроме родного персидского языка Топчибашев владел еще "азербайджанским наречием тюркского и говорил бегло по-грузински и по-армянски". И далее: "В молодости своей работал он для Английского миссионерского общества, над переводом Нового завета на персидский язык" ⁷⁾.

В коллекции грузинских рукописей почетного члена Петербургской Академии наук грузинского ученого и писателя царевича Теймураза Георгиевича Багратиони (1782-1846) сохранились и материалы из его личного архива. Один из рукописных конволютов этой коллекции (Н 28), состоящий преимущественно из автографов Теймураза, содержит черновые экземпляры двух документов, относящихся к июню 1818 г. Один из документов - письмо, второй - своего рода "докладная записка", написанная Теймуразом собственноручно по-грузински, к которой сохранился и русский перевод, переписанный неизвестным лицом, но датированный Теймуразом; письмо же сохранилось только в русском переводе. Оба документа обращены от лица Теймураза Багратиони к А.Н.Голицыну, президенту Российского Библейского общества и министру духовных дел и народного просвещения. Из содержания документов мы узнаем, что член Библейского общества Теймураз Багратиони ⁸⁾ завершил и отправляет президенту для издания свой перевод Псалмов "на двух Азийских языках, персидском и турецком, из коих второй употребляется в Персии, в Грузии и во многих других странах" и "весьма различен с языками других турков и народов великой Татарии". Теймураз сообщает, что Псалмы "переложены" им с перевода семидесяти толковников, т.е. с греческой

Септуагинты, к которой восходит и грузинский перевод Псалтыри. "Для возможной точности, - пишет Теймураз, - я перевел и сличил оный с Российским, Грузинским и другими переводами, а с Арабским при содействии тифлисского жителя Дворянина Мирзы Джафара Топчибашева, который употреблен был мною для сличения и переписания сего перевода, по отличнейшему его знанию Арабского, Персидского и Турецкого языков и который находится в моей свите". Подтверждение того, что переводы были получены, имеется в опубликованном ответном письме А.Н.Голицына, датированном 25 сентября 1818г.⁹⁾ Несмотря на обещание президента, переводы изданы не были. Местонахождение рукописей неизвестно, черновики не сохранились.

Упоминание Теймураза о том, что М.Дж.Топчибашев состоит в его свите, - открывает возможности для целого ряда выводов. К тому же, грузинский оригинал "Записки" содержит существенную деталь, пропущенную в русском переводе. В грузинском тексте сказано: "этот Мирза Джафэр живет при мне, в моей свите" (*ესი მირზა ჯაფარო მყოფი ჩემს სვითაშია*)¹⁰⁾.

Теймураз Багратиони жил в Петербурге с 12 января 1811 г. Свита его была немногочисленна и состояла из лиц, прибывших с ним из Грузии. Известно, что четверо из сопровождавших Теймураза вскоре вернулись в Грузию¹¹⁾, духовник его умер в том же 1811 г. и был заменен другим¹²⁾, все же остальные остались в Петербурге. На основании записей путевого дневника Теймураза¹³⁾, мы знаем, что помимо членов семьи и охраны, при нем находилось свыше двадцати человек, в их числе священник, врач, портной, слуги, а также лица, связанные с ним обстоятельствами, которые предшествовали его срочному выезду в Петербург. Дело в том, что до сентября 1810 г. Теймураз находился в Иране, куда бежал из Грузии 25 февраля 1803 г.¹⁴⁾ и где служил в войсках Аббаса-Мирзы в качестве командующего всей персидской артиллерией и начальника арсенала в Тавризе¹⁵⁾. С ним вместе из Грузии перешло более сорока человек. Переход Теймураза в Иран, вслед за братом своего отца, из присоединенной к

России Грузии (1801 г.) был вызван антирусскими интригами Ирана и его обещаниями восстановить грузинскую корону. Военные неудачи Ирана, в особенности летом 1810 г., побудили Теймураза отказаться от своих надежд и вернуться на родину.

15 сентября 1810 г., в сопровождении 5-6 человек, из которых известны четверо, Теймураз сдался русскому командованию ¹⁶⁾ и 16 октября был отправлен в Петербург ¹⁷⁾. За семь лет пребывания в Иране Теймураз написал много работ по истории, лексикографии и литературе и занимался переводами с персидского языка. По своим служебным обязанностям Теймураз находился в постоянном контакте с пребывавшими в Тавризе, первоначально французской военной миссией (с декабря 1807 г.), а после ее отъезда, в феврале 1809 г., с английской. Свою ученую деятельность Теймураз Багратиони начал в Иране и продолжал в Петербурге до конца своей жизни. Как писал близкий друг и ученик Теймураза ак. М.Броссе - "учившись персидскому и татарскому языкам в Персии, усовершенствовав в этой стране свое воспитание, он умел ценить и действительно ценил высоко литературные размышления, особенно те, которые касались до его отечества" ¹⁸⁾.

Сопоставление сведений о М.Дж.Топчибашеве, бывших в распоряжении В.В.Григорьева, с сообщениями Теймураза Багратиони, приводит к следующим выводам. М.Д.Топчибашев приехал в Петербург, по-видимому, не в 1817 г., а в 1811 г. и не с персидским посольством, а в свите царевича Теймураза, прибывшего из Ирана незадолго перед тем. Если, как пишет В.В. Григорьев, Топчибашев в молодости посетил "некоторые части Персии, сопредельные с нашим Закавказьем", то есть основания полагать, что он находился в Иране в 1803-1810 г.г. вместе с Теймуразом и, может быть, был одним из двух неизвестных, из числа 5-6 человек, с которыми в сентябре 1810 г. Теймураз вернулся на родину. Переводы Псалтыри, выполненные Теймуразом для русского Библейского общества к 18 июня 1818 г., были слиты с арабским переводом и переписаны Мирзой Джафаром, который жил с Теймуразом в его доме на 9 линии Васильевского острова, № 81 ¹⁹⁾. Вероятно, В.В. Григорьев был прав, предполагая, что М.Дж.Топчибашев был

старше возраста, указанного в его формуляре, и поэтому мог хорошо помнить разгром Тбилиси в 1795 г. Впрочем, он мог слышать об этом событии от того же Теймураза Багратиони, который описал его по своим воспоминаниям, позднее изданным М.Броссе ²⁰⁾

П р и м е ч а н и я :

1) В.В.Григорьев. С.-Петербургский университет в течение первых пятидесяти лет его существования. СПб, 1870, стр.22.

2) Там же, стр.255.

8) В.Каверин. Барон Брамбеус. История Осипа Сенювского, журналиста, редактора Библиотеки для чтения. М., 1966, стр.112.

4) Н.И.Веселовский. История Императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие. 1846-1896. СПб, 1900, стр.32-33.

5) В.В.Григорьев, ук.соч., стр.22, 52, 98, 129, 255, 262, 426; он же, некролог "Мирза Джафар Топчибаев". - Изв.Имп.русского археологического общества, т.УП, СПб, 1872, стр.302-304.

6) М.Н.Боголюбов, А.Н.Болдырев. Кафедра иранской филологии. - Уч.записки ЛГУ № 286. Серия востоков.наук, вып. 13, Востоковедение в Ленинградском университете, Л.,1960, стр.119-120.

7) См.прим.5.

8) Четвертый отчет Комитета Российского Библиейского общества за 1816 г. СПб, 1817. В 1814 г. Теймураз уже состоял членом общества (осн.в 1813 г.).

9) Каталог библиотеки царевича Теймураза. Подг. к изд., предисл. и примеч. С.Иорданишвили. Тбилиси, 1948. На груз. яз. См.приложения, стр.79-80.

10) Рук. №28, л.148б.

11) Каталог библиотеки царевича Теймураза, стр.74-76.

12) Там же, стр.75, 84.

13) Собрание грузинских рукописей ЛО ИНА, рук.конволат

Н.28. Описание см. - Р.Р.Орбели. Грузинские рукописи Института востоковедения. Вып. I. М.-Л., 1956, стр.87-88. Издания текста (неполные) - Грузинские писатели о России. Сост. В.Шадури. Тбилиси, 1962, стр.810-817. На груз.яз. Письма Теймураза Багратиони акад.М.Броссе. Подг.текста к изд., предисл., примеч. и указ. С.Кубанейшвили. Тбилиси, 1964. На груз.яз. Прилож. 1 стр.93-101.

14) Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Изд.Архива Гл.Упр.наместника кавказского. Т.т.I-ХП. Под ред. А.П.Берге (т.т.I-X), Тифлис, 1866-1904. Т.П, стр. 181-185; Ш.Месхия. Жизнь и деятельность царевича Теймураза. - Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып.I. Тбилиси, 1939, стр.23-26. На груз.яз.

15) АКАК, т.П, стр.170, 185.

16) АКАК, т.IV, стр.136-137 и др.

17) Путевой дневник Теймураза, см.прим.13.

18) Грузинский царевич Теймураз. Некролог. ЖМНП, т. LII (1846), стр.38-40. Цитируется по черновику, хран. в ДО ИНА, Р 18, № II5.

19) Письма царевича Теймураза ак.М.Броссе, стр.9.

20) *Mémoires inédits, relatifs à l'Histoire et à la langue géorgienne, composés ou traduits, et écrits par M.Brosset. Paris, 1833.*

М.Б.Пиотровский

ЙЕМЕНСКИЙ ЦАРЬ ШАММАР ЙУР'ИН В АРАБСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В арабских сочинениях о древней истории Йемена царь Шаммар Йур'ин занимает важное место. Царь с этим именем упоминается и в надписях. Материал надписей о нем не поддается пока однозначному толкованию и поэтому имеет смысл проводить сравнение арабского материала не только с фак-

тами надписей, но и с наиболее полными реконструкциями событий его царствования. (Реконструкции Виссманна).

В средневековых арабских трудах материал о Шаммаре распадается на две версии: Вахба ибн Мунаббиха (в "Китаб ат-Тиджан") (УП в.), к ней восходит и материал в "Иклиле" ад-Хамдани (X в.), и Абида ибн Шарий (УП в.), к которой восходит подавляющее большинство других рассказов. Общие схемы обеих версий явно легендарны, но отдельные моменты истории Шаммара в арабском изложении совпадают с некоторыми фактами надписей (поход в Южную Месопотамию, союз с киндитами, включение центральноаравийских племен в состав армии Шаммара), а также с некоторыми выводами реконструкций (примирение с персами, война против Рима). Факты реконструкции и арабских сочинений укладываются в одну картину, подтверждая и дополняя друг друга.

Полученная вторичная реконструкция соответствует основным чертам исторической эпохи, но носит чисто гипотетический характер. Зато она показывает, что между материалами сабеистики и сведениями арабских сочинений принципиальной несовместимости нет. Вероятно, данные о Шаммаре в арабской литературе не являются чистой выдумкой, а тоже восходят к некоторым фактическим сведениям. Пока еще нет возможности с уверенностью сказать, восходят ли эти фактические сведения непосредственно к южно-арабской исторической традиции или же они являются составной частью северно-арабской традиции об истории Йемена.

Версия Вахба рядом существенных моментов отличается от версии Абида, и основные из этих моментов оказываются сходными с деталями правления Одената Пальмирского. Можно предположить, что на версию Вахба оказала влияние история Одената. Сведения о жизни Вахба и его место в арабской историографии подтверждают это предположение.

Некоторые другие эпизоды рассказов о Шаммаре могли присоединиться к его образу в ходе мусульманских завоеваний как следствие соперничества северных и южных арабов. Источником для этих эпизодов мог послужить роман об Александре в его южноарабской версии, восходящей через персид-

скую среду к версии сирийской. Увлечение произвольными этимологиями и политические причины могли вызвать появление мотива о Йеменском населении в Тибете.

Итак, можно предположить, что имеющаяся у нас арабская традиция о царе Шаммаре Йур'ише составила из нескольких основных элементов: а/ фактического материала о Йеменской древности, б/ фактического материала об истории Северной Аравии, потерявшего свою географическую принадлежность (Оденат), в/романа об Александре, г/истории мусульманских завоеваний.

В.А.Ромодин

"СИРАДЖ АТ-ТАВАРИХ" (т.III) КАК ИСТОЧНИК

Т.III сочинения "Сирадж ат-таварих", изданный в Кабуле в 1915 г., служит важным источником для истории Афганистана конца XIX в., но до сих пор еще сравнительно мало использован в исторических исследованиях и не был сколько-нибудь подробно охарактеризован в источниковедческих работах ¹⁾

I. Автором труда "Сирадж ат-таварих" был Фейз Мухаммад Катиб, сын Са'ид Мухаммад Могола, происходивший из хазарейцев Афганистана. О жизни автора мало что известно. Сам он о себе сообщает, что 10 ша'бана 1310 г.х. (27 февраля 1893 г.) поступил на службу к Хабибулле-хану (впоследствии, с 1901 до 1919 г. - эмиру Афганистана) в качестве секретаря с жалованьем 200 рупий в год, через пять лет он получил надбавку в 120 рупий ("Сирадж ат-таварих", т.III, стр.868); в 1325 г.х. (1907/1908) сардар Насрулла-хан (брат эмира Хабибуллы) приказал ему составить I-й том "Сирадж ат-таварих" (стр.869). Фейз Мухаммад Катиб получил от эмира Хабибуллы указания о хронологических рамках труда и его план. Эмир проявлял большой интерес к этому сочинению и принимал участие в его написании, в составлении пояснительных примечаний, в корректуре при публикации. Фейз Мухаммад Катиб стал

придворным историографом. По сохранившимся в Афганистане рассказам, эмир давал своему историографу норму и в случаях, если тот не успевал выполнить задания, нередко его бил. В 1929 г., после свержения Амануллы-хана и прихода к власти Бача-йи Сакао (правившего с января до октября 1929 г.) Файз Мухаммад Катиб получил от него приказ выехать в Хазараджат и уговорить местных жителей признать власть Бача-йи Сакао. Файз Мухаммад Катиб в Хазараджат поехал, но уговорить своих земляков подчиниться Бача-йи Сакао не сумел (вероятно, и не старался). Возвратившись в Кабул, историк доложил Бача-йи Сакао о безрезультатности своих переговоров в Хазараджате, вызвал гнев правителя, был по его повелению жестоко избит и брошен в зиндан. После падения режима Бача-йи Сакао историк был вызволен из зиндана, но здоровье его сильно пострадало: прожил он еще долго (ум. в Кабуле в начале 50-х г.г.), но с трудом мог ходить, опираясь на палку.

2. Из трех опубликованных томов "Сирадж ат-таварих" первые два тома, содержащие описание событий с середины XVIII в. до 1880 года, в основном компилятивны и представляют интерес, главным образом, для изучения афганской историографии, в развитии которой их выход в свет был важным этапом. По своему характеру первые два тома "Сирадж ат-таварих" являются официальной версией истории афганского государства, по кругу освещаемых вопросов еще не выходят из рамок традиционной средневековой восточной историографии, но все же появление этого труда надо считать ступенью к освещению истории в современном духе, с использованием, возможно более широким, не только местных источников, но и источников индийских и английских. Два тома "Сирадж ат-таварих" - 4-й, посвященный правлению Хабибуллы (1901-1919), и 5-й, содержащий описание событий правления Амануллы (1919-1928), остались неопубликованными.

3. "Сирадж ат-таварих" - историческое сочинение повествовательного характера, но в нем приводятся, особенно часто в т. III, документы. В III т. неоднократно цитируются в пространных выдержках, а иногда и в полном тексте, фирманы эмира Абдуррахмана, его письма должностным лицам

и т.п. Третий том является важным источником и потому, что ряд имеющихся в нем сведений почерпнут из рассказов очевидцев и участников описываемых событий. Изложение событий становится особенно подробным, начиная с 1308 г.х. (1890-1891), т.е. примерно о того времени, когда Файз Мухаммад Катиб пишет о современных ему делах и людях и получает доступ к официальным документам (как секретарь наследника престола - Хабибуллы). Изложение ведется погодно и помещено, как то было принято в летописях, отступления от хронологической последовательности иногда допускаются (но незначительные) в случаях, когда это вызывается желанием дать связный рассказ. Т. III начинается с описания (краткого) восшествия на престол Абдуррахмана (стр.378, 379 - нумерация страниц в опубликованных трех томах сквозная), далее событиям первого года его правления - 1298 (1880/81) - посвящено еще 6 страниц, на которых сообщается о выступлении Айубхана, о походе Абдуррахмана на Кандагар, о завоевании Герата Абдул Куддус-ханом, о прибытии в Герат Ишана Мирза Караул-беги с письмом от правителя Хорезма (стр.383). Большой материал по вопросам пограничной политики на севере в связи с англо-русскими отношениями и "афганским разграничением" приводится при описании событий 1884-1885 г.г. (стр.440-466), пограничным отношениям с Россией и Англией постоянно уделяется много места и в дальнейшем изложении. Много сведений в III т. содержится о политике Абдуррахмана по отношению к различным афганским племенам, о народных движениях в Хазараджате и в других частях Афганистана, о хозяйстве, налогах, административных делах и т.д. Изложение доводится до конца 1896 г.

В докладе характеризуются некоторые сведения, важные для изучения внутренней и внешнеполитической истории Афганистана в конце XIX в., имеющиеся в III т. "Сирадж ат-таварих".

П р и м е ч а н и е :

I) Краткую рецензию на т. III этого сочинения опубликовал А.А.Семенов: سراج التواريخ ("Светильник историй"),

т. III, Кабул, 1888 г.х., - "Известия общества для изучения Таджикистана и иранских народов за его пределами", Ташкент, 1928, стр. 225-226.

Л. И. Чугуевский

ФРАГМЕНТ "ФАНШУ" ИЗ ДУНЬХУАНСКОГО ФОНДА ИНА АН СССР

1. Среди документов на китайском языке, хранящихся в дуньхуанской коллекции Ленинградского отделения института народов Азии АН СССР, имеется один фрагмент под лифром Дх-3002. Это "фаншу" (放書) - отпускная грамота, свидетельство об отпуске раба на волю.

2. Из таких документов, как императорские эдикты, законы и официальные доклады чиновников мы знаем, что при династии Тан (618-907), ко времени которой относится и наш фрагмент, рабовладелец, предоставляя свободу рабу, выдавал ему отпускную грамоту "фаншу", в которой были изложены причины для освобождения раба. Однако, о форме и содержании таких документов до недавнего времени почти ничего не было известно.

3. Такие первоисточники, которые раскрывают нам реальную картину того, как в танский период осуществлялся отпуск на волю, были обнаружены среди дуньхуанских рукописей. В настоящее время пока известны только 6 таких документов, хранящихся в коллекции Стейна в Британском музее. Наш фрагмент, насколько это можно установить, является самым ранним (837 г.), но несколько упрощенным по своей форме в части, касающейся оснований для предоставления свободы.

Краткое содержание грамоты следующее:

Во вступительной ее части говорится, что грамота выдана от имени сородичей; отпускаемый на волю сравнивается с рыбой, которая, попадая в воду, погружается и опускается в своей стихии, как ей того захочется; дается клятвенное заверение не отступать от принятого решения; человеку от-

полагается доля счастья, которая предопределяется каждому его судьбой.

Во второй части грамоты основанием для юридического освобождения является стремление добиться прощения грехов умершим родотвенникам, чтобы души их возродились в "Чистой земле" — раю будды Амитаба.

В заключении говорится, что после предоставления свободы ни братья хозяина, ни его дети и племянники не имеют права оспаривать освобождение. Если же такие найдутся, то следует предъявить им означенный документ.

По линии, где стоит дата составления грамоты, рукопись оборвана. Возможно, там стояли подписи родотвенников и свидетелей.

4. Тексты грамот, в том числе и наш, подтверждают, что буддизм занимал большое место в духовной жизни дуньхуанского общества и играл ведущую роль в его идеологии. Во всех грамотах из коллекции Стейна вполне откровенно проступает оправдание социального неравенства, которое якобы было извечно и будет всегда. Существование в этом мире на нижней социальной ступени объясняется кармой, т.е. воздаянием, наказанием за грехи, совершенные в прошлых перерождениях.

5. Правовое положение освобождаемого раба, по-видимому, обеспечивается самим фактом вручения грамоты, которая должна была служить гарантией того, что он может пользоваться обретенными правами свободного. Насколько выдача таких грамот была необходима, можно судить по наличию в ташском законодательстве статьи, определявшей наказание за попытку нового порабощения.

6. Что касается связи, которую должен был сохранять бывший раб по отношению к своему прежнему хозяину, то в грамотах ничего не говорится об условиях освобождения, нет абсолютно никаких оговорок относительно последующих обязательств.

7. Выявленный и усиленно переведенный нами фрагмент представляет собой еще одно звено в той цепи, которая ведет к расширению и уточнению наших представлений по вопросу, имеющему большое значение для характеристики социаль-

ных отношений в Китае того времени и пока это лишь предварительная источниковедческая основа для изучения проблемы рабства в Китае.

8. Термины "ну" и "би", обозначающие раба и рабыню, засвидетельствованы и в других дунхуанских документах, которые тоже имеют существенное значение для изучения рабства. Среди них можно назвать документы, где упоминаются рабы, которые завещаются другим лицам наряду с различными видами собственности: домашней утварью, орудиями труда, скотом и т.п.

Очевидно, распространенным социальным явлением было и продажа детей, так как в одном из документов коллекции Стейна / S -3877/ говорится, что семилетний ребенок продан "по рыночной стоимости".

В нашей коллекции есть документ /Дх-1393 + Дх-1465/ об аренде земельных участков, где, как видно, рабы имели свои земельные участки и сдавали их в аренду свободным.

М.В. Воробьев

ЧЖУРЧЖЭНИ И НАЦИОНАЛЬНО-ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ЦЗИНЬ

Создание чжурчжэнями многонационального государства Цзинь (1115-1234) поставило завоевателей не только перед задачей управления народами, чуждыми им по крови и по культуре, но и перед проблемой сохранения собственной этнической и культурной самобытности.

Национально-охранительная политика понималась в Цзинь как дело государственное. Поэтому соответствующие правительственные мероприятия охватывали разнообразную и широкую сферу экономики, общества, религии, просвещения, языка и письменности.

Эта политика в своем развитии прошла несколько этапов, отличающихся степенью активизации самой политики в

целом, выбором сфер ее приложения, интенсивность мероприятий. На первом этапе, до разгрома Ляо (II25), вырабатывались лишь отдельные охранительные мероприятия, направленные на закрепление племенных обычаев, на создание письменности. Завоевание Северного и Центрального Китая и переселение сюда масс чжурчженей открывает второй период (II25-II48), когда наметилась опасность, угрожающая этнической и культурной целостности чжурчженей — китайская ассимиляция и аккультурация. Но в это время основное внимание обращалось на обеспечение руководящей роли чжурчженей в управлении империей. А для обеспечения выполнения своих новых функций чжурчжэням приходилось заботиться не столько о сохранении старых обычаев, сколько о приобретении новых навыков. Поэтому охранительные мероприятия осуществлялись лишь в отдельных сферах и эпизодически. На третьем этапе, при Хай-линь-ване (II49-II60), курс на принятие всего китайского стал еще резче, а охранительная инициатива рассматривалась как оппозиция политике правительства. Лишь на следующем, 4-м этапе (II61-II84), положение в корне меняется, и национально-охранительная политика провозглашается важной государственной задачей и осуществляется во всех перечисленных сферах, последовательно и активно — во всяком случае в ближайшие 40-50 лет.

Стремясь обеспечить чжурчжэням прочную экономическую базу, правительство расселило их поселениями, обеспечило казенными наделами, по площади в десятки раз превышающими нормы для китайцев, скотом и рабами, обложило их нетяжелым налогом, обращаемым на ссуды разоряющимся или неурожайным чжурчжэньским хозяйством. Для этих наделов выбирались лучшие земли, изымаемые у китайцев. Чжурчжэни не могли продавать свои наделы, но имели право покупать частные китайские земли.

Переселение чжурчжэней и смешанные браки, вначале поощрявшиеся, нарушили многие общественные и семейные связи и отношения. Правительство стремилось воспрепятствовать этому путем укрепления военизированных общин *мэньань* и *моукэ*

в социальном отношении. В II73 г. было воспрещено менять чжурчжэньские фамилии на китайские и, таким образом, закрепились внутриобщинная и внутрисемейная иерархия родства со всеми связанными с ней семейными, брачными и общественными отношениями. На укрепление чжурчжэньского общества направлялись меры поощрения старинных обычаев (стрельбы в луку, стрельбы с коня, сезонных охот, игры в конское поло), чжурчжэньских песен и плясок, одежды и причесок и даже такие меры как переселение наиболее "окитаевшихся" чжурчжэней из Китая вглубь чжурчжэньской прародины.

Видя в овладении умами чжурчжэней идеями буддизма и даосизма скрытую китаизацию, цзиньские императоры в указах и личным примером превозносили традиционные обряды поклонения небу, духам предков (II83), лично критиковали учение буддистов и даосов, подчеркивая благотворную общественную практику государственной власти в противовес иллюзорным обещаниям проповедников этих учений (II86). В развитие этих идей власти ограничивали религиозные организации указанными толков, запрещая частное посвящение в сан, вводя особые экзамены при таких церемониях, ограничивая строительство буддийских и даосских храмов (II74, II78) и даже общение духовенства с императорским домом и высшим чиновничеством.

Понимая роль китайского образования в процессе аккумуляции, правительство в II5I г. открыло государственный университет, а после подготовки в нем преподавательского состава — два столичных училища (II64, II73) примерно на 3400 учащихся — сыновей членов правящего дома, членов маньчжунской и моукэ, "хороших" семей. Позднее в округах, провинциях и областях были открыты свои школы — отдельно для китайцев и для чжурчжэней (2800 + 2200 чел.). В них принимали уже детей простых чиновников и кандидатов, сдавших экзамены. Учащиеся находились на государственном обеспечении, преподавание велось на чжурчжэньском языке. Приемные экзамены для чжурчжэней проводились отдельно по особой программе.

Уже в III9 г. чжурчжэни создали собственные, "большие"

письмена, а в 1138 г. — "малые". Это позволило превратить чжурчжэньский язык в государственный. В 60-х г.г. 12 в. чжурчжэни перевели на свой язык с китайского наиболее важные конфуцианские, моралистические и исторические сочинения, знакомство с которыми считалось обязанностью грамотного и образованного человека. Правительство декретировало употребление чжурчжэньского языка в судах и в присутственных местах, при дворе и в армии, на экзаменах и в училищах, заставляя изучать этот язык даже китайцев на цзиньской службе.

К оценке эффективности национально-охранительной политики чжурчжэней следует подходить осторожно. Часто ее считают совершенно неэффективной по тем причинам, что она не смогла предупредить ни краха империи, ни ассимиляции и аккультурации чжурчжэней китайцами. Однако и при полном своем успехе эта политика сама по себе не могла бы уберечь Цзинь от гибели (и не на нее одну возлагали свои надежды цзиньские правители) тем более, что крах государства Цзинь был вызван более вескими причинами, в т.ч. монгольским нашествием и национально-освободительной борьбой китайцев. Ассимиляция и аккультурация оказались весьма относительны, так как чжурчжэни в Китае сохраняли свою этническую и культурную специфику вплоть до своего физического уничтожения в войнах, а их сородичи в Маньчжурии пронесли ее через войну и сохраняли долгие века. Эта политика дала свои положительные результаты — разные в разных сферах приложения.

С.С.Какабадзе

ДРЕВНЕЙШИЕ ГРУЗИНСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРУЗИИ

1. Одрѣхе, занимавшая территорию "от Тасис-кари вплоть до моря Сперского" (сведение схемы этнархов-эпонимов "Картлис цховреба" о владениях Одрѣхоса, эпонима

Одзрахе; ср. также сведение о владениях одзрахского эристава при древнекартлийском царе Парнавазе), являлась древнейшим грузинским названием Юго-Западной Грузии, а также одной из крепостей в этой области.

Позднее значение Одзрахе постепенно уменьшалось и в V в. одзрахский эристав упоминается в качестве одного из знатных лиц картлийского царя Вахтанга Горгасала, а затем название это для области полностью вытесняется названием Самцхе.

С другой стороны в грузинских источниках термин Самцхе в раннее время не засвидетельствован: в "Картлис цховреба", правда, дважды упоминается Самцхе при повествовании о первом и тринадцатом дохристианских царях Картли, но оба раза для пояснения более древнего термина Одзрахе, видимо, уже не вполне ясного во время редактирования данного текста.

Не упоминается Самцхе и в схеме этнархов-эпонимов, нет там и эпонимы этой области.

Таким образом, Одзрахе, древнее название Юго-Западной Грузии, в средние века было вытеснено названием Самцхе.

2. Древним грузинским названием Черного моря являлось Сперское море (упоминается в схеме этнархов-эпонимов и под ее влиянием у Вахушти Багратиони), реки Чороха - Сперская река, а области в бассейне Чороха - Спери (совр.Испир) (эти два последних термина засвидетельствованы в схеме этнархов-эпонимов, у Вахушти Багратиони и др.). Термин этот обычно отождествляется с саспейрами античных авторов. Однако, в разновременных античных источниках под этим названием следует понимать два разных народа.

По одному сведению Геродота саспейры вместе с матиенами и алародиями входили в 18-ю сатрапию Персидской державы, а 19-ю сатрапию населяли мосхи, тибарены, макроны, моссиники и мары (Ш, 94). Следовательно, саспейры по Геродоту локализуются в бассейне верхнего Тигра и их нет в бассейне Чороха (груз.Спери), который, по крайней мере, частично входил в состав 19-й сатрапии.

Более поздние авторы, - Аполлоний Родосский, Аммиан Марцеллин и др., - упоминают саспейров, живших в юго-восточ-

ном углу Черного моря рядом с колхами (см. особенно у Аполлония Родосского, II, 373-396). Этих сапейров следует отождествить с населением области Сперы.

3. Источники историко-географических сведений схемы этнархов-эпонимов "Картлис цховреба" датируются следующими данными.

Владения Аоса, этнарха армян, согласно этой схеме, простирались от Черного моря до Каспийского, и Аос был владыкой над семью своими братьями, в том числе Карфлосом и Эгросом, этнархами картвелов (Карфли) и мегрелов (Эгриси). Это, вероятно, отражает период существования сильного Армянского царства, т.е. не позднее IV в. н.э.

Сведения о Юго-Западной Грузии (Одзрахе) также отражают картину ранее V в. Наоборот, в схеме этнархов-эпонимов не упомянуты те провинции Юго-Западной Грузии, которые о VI-VIII в.в. играли первенствующую роль в истории Грузии.

Есть в схеме эпоним Мцхеты и нет эпонима Тбилиси, что отражает время стольной жизни Мцхеты (Г.А.Меликишидзе), т.е. не позднее V в. Название Сперское море также должно было возникнуть в первых веках н.э. и позднее вскоре исчезнет.

Западная Грузия названа Эгриом, между тем, начиная с VIII в. она называлась Абхазетн и, следовательно, источник в этом случае не позднее начала VIII в. (К.С.Кекелидзе, П.Е.Индорокба).

Таким образом, по всем этим данным источники историко-географических сведений схемы этнархов-эпонимов надо датировать, вероятнее всего, временем не позднее VI-V в.в.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РАССУЖДЕНИЯ СЫМА О "ШЕСТИ ШКОЛАХ" КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ТРАКТАТА

1. Трактат Сыма Тяня и Цяня представляет исключительный интерес для историков философии, так как в нем дана первая классификация школ древнекитайской мысли. Поэтому важно выяснить, под каким углом зрения авторы трактата рассматривают эти школы.

2. В начале трактата ясно сказано, что все шесть школ стремятся к хорошему управлению, но идут к этому разными путями. Следующие затем характеристики положений шести школ показывают эти разные пути, причем характеристики первых пяти школ строятся по схеме: такие-то положения должно отвергнуть, такие-то принять, а положения шестой - даосской - школы одобряются целиком и отмечается, что она заимствует достижения прочих пяти. Это характеристики политических учений шести школ, предложенных ими принципов управления, а не всесторонние характеристики философских доктрин.

3. Положения пяти школ, которые, по мнению Сыма, принял и использует даосизм, суть: а) принцип гармонии действий государства (правителя) с природой; б) принцип опоры государства на конфуцианскую этику; в) принципы поощрения государством земледелия и умеренности в казенных расходах; г) принцип "оказания почета государю и принижения сановников", разделения служебных функций между чиновниками и недопустимости превышения этих функций; д) принцип использования государем административной техники син мин (названной здесь терминами мин и ши) и сань у для организации бюрократии и контроля над ней. Эти положения выделены и связаны между собой в рамках эклектической даосской концепции управления, построенного по принципу "недеяния"

правителя.

4. В своих основных чертах эта концепция была официально принята при дворе задолго до того, как был написан трактат Сыма; она соответствовала фазе развития системы управления при первых ханьских императорах (особенно при Вань-ди). Эта фаза отличалась от фазы централизации системы управления времен империи Цинь и У-ди. Поэтому оценка политических положений шести школ, данная Сыма Тянем и Цянем, определенным образом ориентирована, с одной стороны, по отношению к опыту циньской империи и теориям официально признанной тогда ветви школы фа, а с другой стороны, — по отношению к государственной практике и поощрявшейся императором конфуцианской доктрине времен У-ди. Сыма критиковали государственную практику централизации и соответствующие ей идеи обеих эпох.

5. Отношение Сыма к школе фа было двойным. С одной стороны, они осуждали характерное для этой школы забвение нравственных ценностей, а также мысль об односторонней опоре правителя на жестокое уголовное законодательство, свойственное ветви школы фа, восходящей к Шан Яну. С тех же позиций они оценивали опыт империи Цинь. С другой стороны, на политическую теорию Сыма оказали сильное влияние две доктрины школы фа, разработанные еще в IV в. до н.э. Шэнь Бу-хэем и исследованные Х.Г.Крилом. Это доктрина "недеяния" правителя и связанный с ней принцип "сообразования и приспособления", заимствованные даосами III в. до н.э. и от них и их последователей воспринятые Сыма Тянем; в его философии они противопоставляются конфуцианской теории деятельного правителя — "образца для Поднебесной". Это также доктрина организации бюрократии и контроля над ней — син мин — и связанные с ней принципы "оказания почета государю и приказания сановников", разделения служебных функций между чиновниками и недопустимости превышения этих функций.

6. Таким образом, два важнейших тезиса теории управления Шэнь Бу-хэя вошли в политическую концепцию эклектического даосизма Сыма. Это объясняет отношение Сыма Цяня к Шэнь Бу-хэю и к Хань Фэю, соединившему в своих взглядах

идеи Шэнь Бу-хэя с идеями Шан Яна (и в связи с последним обстоятельством заслужившему от историка упреки в жестокости). Обоих Сыма Цянь считал даосами и объединил их жизнеописания в коллективной биографии с жизнеописаниями Лао-цзы и Чжуан-цзы (Ши цзи, гл.68), тогда как Шан Яну посвятил отдельную биографию (гл.68). Между тем, как указывает Х.Г.Крил, Шэнь Бу-хэй не мог быть даосом, а даосские главы, приписываемые Хань фэю, были сочинены не им. Быть может, в 68-ой гл. Ши цзи следует видеть попытку приукрасить родословную сравнительно поздно возникшей школы дао, увеличивая число ее представителей за счет мыслителей школы фа ветви Шэнь Бу-хэя, у которых даосизм не так давно занимствовал основы своей политической теории.

Е.И.Кычанов

ТАНГУТСКИЕ ЗАКОНЫ СЕРЕДИНЫ XII в. О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ГОСУДАРЯ

Тангутский "Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания" (II49-II69), действовавший в тангутском государстве Великое Ся в пору его наивысшего расцвета, был составлен по указу императора Жэнь-сяо (II89-II93) специально назначенной комиссией из 23 чел., во главе с начальником императорского секретариата (чжуншундином) Вэймин Тхиндзиу. В составе комиссии было 17 тангутов и 7 китайцев. Из 17 тангутов - 7 были членами императорской фамилии Вэймин.

Кодекс начинается с законов, в которых говорится о преступлениях против государя и оскорблении памяти его предков. Злоумышлению против государя посвящено пять статей кодекса, из которых первая, в свою очередь, дополнительно разделена на девять параграфов. "Если некто, - говорится в первой статье кодекса, - злоумышлял против государя: намеревался причинить ущерб княжескому достоинству, то, по

выявлении наличия или отсутствия сговора и установлении вины, и главаря и соучастники в равной мере подлежат смертной казни путем разрубания. Члены семей (преступников): сыновья, братья, кровные родственники (также) несут ответственность и по конфискации скота и имущества с ними поступают по нижеустановленному порядку". Следующие девять параграфов этой статьи и определяли меру наказания родственников преступника в зависимости от характера преступления.

Отец и сыновья преступника подлежали смертной казни, если преступник совершил рукоприкладство и нанес телесные повреждения. Дети, жены, внуки и правнуки преступника, независимо от того, совершил ли он рукоприкладство или нет, и живут ли они одной семьей с преступником или нет, а равно и родители, деды и бабушки, братья и незамужние сестры преступника, живущие с ним одним домом, подлежали ссылке и переводу в пастухи и земледельцы. Имущество преступника и его семьи: скот, зерно, ценности, утварь, земля, люди — подлежало конфискации и переходило в собственность государства. От конфискации освобождалось только имущество дедов, бабок, братьев и сестер, живущих отдельно. Дяди, тетки и племянники преступника наказывались ссылкой на границу и работой в пограничных городах или же переводом в солдаты. Исключение делалось для невест и наложниц, с которыми преступник официально еще не вступил в брак (они выкупались у государя за цену полученного за них калыма), а при конфискации имущества для мужчин старше 80 лет, женщин старше 60 лет, а также тяжелобольных: эти лица по случаю лишения кормильца могли получить долю из конфискованного имущества на сумму в двести связок монет. Тещи, жены дядьев, дочери и сестры, вышедшие замуж и отданные на воспитание или ушедшие в монастырь, ответственности не несли.

Второй статьей кодекса устанавливалось, что если в разговоре было допущено оскорбление государя и зачинщик не был выявлен, то все участники разговора подлежали смертной казни путем разрубания. Смягчение приговора в данном

случае допускалось лишь для пьяных и сумасшедших, при условии наличия свидетелей, подтверждавших, что они были пьяны или действительно больны. Если человек не участвовал в разговоре, но слышал, о чем идет речь, и не донес или промедлил с доносом, то он наказывался так же, как участник разговора.

Не менее суровыми были наказания за осквернение храмов и памяти предков государя: "Если какой-либо простолюдин по собственной воле, по злобе, забывчивости, не подумав, из мести или в гневе осквернит изображение, могилу или храм предков государя..., то по закону это рассматривается так же, как злоумышление против государя". Если осквернение не было совершено, но могло иметь место, зачинщик подлежал удавлению, а его помощники наказывались ссылкой и 12 годами каторжных работ. Ограбление храма или могилы предка в равной мере рассматривалось как злоумышление против государя и наказывалось смертной казнью путем разрубания.

Ознакомление с вышеизложенными, а также последующими разделами I-го тома кодекса, показывает, что мы имеем дело с изложением так называемых "десяти великих преступлений", хорошо известных по китайскому уголовному законодательству — "люй". В уголовном кодексе династии Тан (654 г.) и в кодексах всех последующих династий указанные выше преступления против государя назывались "моу фань" (умысел против государя) и "моу да ни" (умысел разрушить храм или могилу предков государя). Сопоставление статей танского уголовного кодекса ("Все, кто замыслит против государя или же будет иметь умысел разрушить храм или могилу предков государя, подлежат смертной казни через разрубание. Отец и сын преступника в возрасте 16 лет и старше — смертной казни через удавление...") с соответствующими статьями тангутского показывает, что последний был составлен под прямым влиянием китайского законодательства. Это не удивительно, ибо хорошо известно, что кодексы законов Вьетнама, Кореи, Японии, не говоря уже о законах Ляо и Цзинь, испытали сильное влияние китайского законодательства, основу

которого с середины УП в. составляли законы династии Тан.

А.С.Мартынов

"ДАЛЬНИЕ" В СИСТЕМЕ "ЧАОГУН"

1. В сборнике "Миндай Сицзан шилiao" (под ред. Д.Тамура и Х.Сато, Киото, 1959 г., стр.186-187) имеется доклад заведующего административным управлением пров.Сучуань Хоу Гуи'а следующего содержания: управлением получен приказ провести разделение "приезжающих с данью" тибетских монахов на ближних и дальних, принимать дальних на прежних условиях, для ближних же ввести ограничения; Хоу гуи об"ясняет, что выполнить это указание очень трудно, так как "язык приезжающих непонятен" и все дела с ними ведутся через переводчиков, которые при желании "из ближнего сделают дальнего и проверить это будет невозможно", и предлагает распространить ограничения на всех. Предложение отклоняется на том основании, что "дальние и ближние не равны".

Критерий разделения абсолютно ясен - расположение в пространстве. Столь же ясно и то, кому оказывается предпочтение - дальним.

2. К системе "чаогун" ("приезды с данью ко двору") возможны (и представлены в литературе) два основных подхода. Первый - рассматривает ее как своеобразную форму внешней торговли, второй - политических отношений. Естественной классификацией для первого являлась бы - по коммерческой, для второго - по политической значимости. Деление по пространственному признаку чуждо как одному, так и другому. Следовательно, объяснение классификации "дальние-ближние" надо искать в другом месте.

3. Общественно-организованное действие можно рассматривать как совокупность прагматических и доктринальных, т.е. вызванных наличием системы, обеспечивающих ее функциональное существование и, следовательно, для нее прагматических элементов. Упомянутые выше подходы исчерпывают об-

ласть прагматики, остается доктринальная сфера – традиционная китайская модель мира (обозначается обычно как "хуа-и", т.е. "Китай – варвары").

4. Модели "хуа-и" свойственны представления о неравноценности пространства. Это – следствие фундаментального постулата о неравноценности Китая и "варваров", породившего идею избранности Китая в следующих – в порядке от общего к частному – аспектах: 1) космическая, 2) физико-географическая, 3) антропологическая, 4) социально-культурная и 5) этическая избранность.

Избранность "хуа" означала ущемление "и" по всем этим пунктам, что сообщало миру "хуа-и" большую напряженность.

5. Для ликвидации напряженности и обеспечения стабильности в мире "хуа" различными способами старалось привлечь "и". Одним из способов была система "чаогун". В качестве привлеченного "и" переставал быть "варваром", а становился "ваньжэнь" – "дальним". Оппозиция "хуа-и" сменялась противопоставлением "центр – периферия", "мы и дальние". Привлеченный "варвар" в качестве "дальнего" становится объектом благоволения. Важнейшие принципы обращения с "дальними": 1) "не делать различия между дальними и ближними", 2) "ласково относиться к дальним", 3) "заботиться о дальних", 4) "не терять сердца дальних" и т.д. Цель: сделать "дальних близкими". Здесь "дальние" – общее обозначение для всех привлеченных "и".

6. Привлечение стремилось стать универсальным и считалось тем успешнее, чем большую сферу оно охватывало. Это породило оппозицию "сы и: вань-цзинь" – "ближние и дальние варвары". Понятие "дальние" получило более частное значение: "дальние среди варваров". "Дальние" здесь выступали как знак больших успехов в деле привлечения, чем "ближние", и им, естественно, отдавалось предпочтение. Трафаретные формулы описывали перенесенные ими тяготы пути и призывали отнестись к их заслугам с особым вниманием.

Применение именно этой классификации в докладе Хоу Гуи'а, очевидно, и является еще одним свидетельством того, что китайские трафареты – не пустые и мертвые формулы, а

элементы единой, целостной модели мира, реально организовавшей поведение государства.

З.Я.Ханин

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯВЛЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ЯПОНИИ

0.1. Отверженные в Японии (различные социальные группы, подвергавшиеся экономической, политической, правовой и другим видам дискриминации) – это часть широко распространенного (хронологически и географически) сложного явления мировой истории – дискриминации. У отверженных Японии имеется много общих с различными группами отверженных других стран существенных черт.

0.2. Наряду с этим, история дискриминации в Японии обладает рядом таких особенностей, комплексное рассмотрение которых дает возможность более четко выявить сущность этого явления в целом. Можно отметить следующие наиболее существенные особенности дискриминации в Японии.

1.1. Отверженные Японии не отличались от остального населения страны ни в расовом, ни в национальном, ни в религиозном отношении.

1.2. Они играли весьма значительную роль в развитии многих отраслей национального производства и искусства (в основном – несельскохозяйственного производства и различных видов народных представлений) и способствовали накоплению специального профессионального опыта и знаний.

1.3. Весьма специфичными были многие повинности, которые они выполняли по воле феодальных властей: обязанности палачей, полицейских, тюремных надзирателей, шпионов, доносчиков; они должны были охранять города (на окраинах которых они селились) от возможных нападений крестьян и т.д.

1.4. На протяжении многовековой истории в Японии последовательно и параллельно существовали многие группы

отверженных – различные группы саммин, томоба, дэакко, сандзёмоно, каварамоно, эта, хинин, буракумин и т.д. Характерно, что между последовательно сменявшими друг друга группами отверженных часто не устанавливается наследственная связь: в разные эпохи они создавались во многом заново и имели свои особенности. Между параллельно существовавшими группами не было социального единства и равенства.

1.5. Наряду с отверженными, в Японии на протяжении истории существовали и разные группы полуотверженных, положение и состав которых также менялись.

1.6. Существовали некоторые особые условия и обстоятельства, при которых был возможен выход из групп отверженных и пополнения их.

2.1. Указанные особенности дают возможность более наглядно и обоснованно разграничить предрассудки, порождаемые дискриминацией, и действительные причины ее возникновения.

2.2. Дискриминация порождается не одной какой-либо причиной, а комплексом различных взаимосвязанных и взаимообусловленных явлений – социальных, экономических, политических, психологических и т.д.

М.Ф.Чигринский

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ ТАЙВАНЯ ДО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВА ЧЖЭНЕЙ В ХУИ в.

Изменение этнического состава Тайваня мало изучено из-за скудости источников.

Аборигенами Тайваня были негро-австралоидные племена, обитавшие также в Южном и Центральном Китае, Индо-Китае, Японии, на островах Рюкю, в Восточной Индии и на Андоманских островах в эпоху позднего палеолита /Н.Н.Чебоксаров, Те Ранги Хироа, Ч.Э.Б.Дюбуа, К.Штопель/.

Первыми пришельцами на Тайвань с Востока были племена протомалайского происхождения (Р.Ф.Итс, Лянь Хан). Разгромленные на континенте войсками княжества Чу, они отступили на остров, где столкнулись с туземцами. Последние были либо истреблены победителями, либо подверглись процессу ассимиляции, и до настоящего времени не сохранились.

Китайский источник (суйшу) указывает на наличие двух тайваньских племен — Хала (Гала) и Ао, родственных между собой и говорящих на языке, близком жителям Северного Лусона и Южного Китая. По-видимому, подразумеваются те, еще тогда существовавшие.

В УП в. у Хала было государство Болотань, возглавляемое ваном Хуан Си-ши (Кэ Си-доу). Ван имел дворец из 16 комнат. Ему подчинялось 4 или 5 военачальников, командовавших, в свою очередь, старшинами, которых выбирали мужчине из самых старых и опытных воинов. Выборы проводились в каждом селении. Селения были пещерного и обычного типа. Островитяне пользовались железным оружием, отличались воинственностью.

Разгром Болотань китайцами (УП в.) облегчил захват острова малаяйскими племенами, появившимися там в начале правления династии Тан. Проникновение малайцев на Тайвань связано с наводнением, случившимся, якобы, в это время на Малаккском полуострове и прилегающих островах. Спасаясь от стихии, малайцы на плотах и лодках добрались до Тайваня, где они уничтожили большую часть местного населения. Оставшиеся ушли в горы.

В XIII в. на Тайвань отступили остатки войск чжурчженей, разбитых монголами. Постепенно чжурчжэни смешались с местными племенами и прекратили самостоятельное существование (Лянь Хан).

Китайцы познакомились с Тайванем в эпоху Цинь и называли остров Дунти.

В "Хоуханьшу" сообщается о том, что Циньшихуанди направил туда мага Сюй Фу с тысячей подростков обоого пола на поиски эликсира бессмертия. Не найдя эликсира,

маг со спутниками обосновался на острове.

В эпоху Троецарствия на остров, именовавшийся уже Ичжоу, правительство княжества Чу направило экспедицию с целью поисков исчезнувших искателей эликсира, но безрезультатно.

Первая попытка завоевания Тайваня была предпринята при императоре Ян-ди (династия Суй). После соответствующего доклада морского начальника Хэ Маня, на остров дважды направлялись императорские эскадры под командованием Чань Лэна и Чжан Чжень-чжоу. Тайваньцы отказались покориться и были разбиты. Интересно, что в качестве переводчиков китайцы использовали жителей Южного Китая, язык которых понимали Хала (Суйшу).

С этого момента китайцы обозначали Тайвань как Люцю, Большой Люцю, Фандао.

Основная веха в открытии Тайваня китайцами — экспедиция Чжан Хэ (Саньбао) в 1430 г.

Оказавшись на острове, он подчинил "варваров", составил географическое и этнографическое описание Тайваня, а также собрал коллекцию лекарственных трав. После доклада Чжан Хэ императору остров под названием Цзилуншань был включен в состав имперских владений.

Однако, так как правительство не направило туда войск и чиновников, Тайвань оставался фактически независимым.

Это способствовало превращению Тайваня в XV в. в пристанище китайских и японских пиратов.

Пираты были первыми китайскими поселенцами на Тайване.

В 1564 г. на острове обосновалась пиратская эскадра Линь Дао-ганя, который зверски расправлялся с местным населением и начал колонизацию острова.

Первыми колонистами были жители провинций Фуцзянь и Гуан-дун, вероятно, родственники пиратов. Тайвань стал своеобразной пиратской и торговой базой, так как был удобен для посреднической торговли и мореплавания.

Переселенцы продвигались вглубь острова, где начали обработку земли. Они жили деревнями, во главе которых сто-

яли выборные старосты, подчинявшиеся командующему пиратским флотом, сосредоточившим в своих руках военную и гражданскую власть. Помещичье землевладение не было до прибытия войск Чжэн Чэн-гуна (1661).

Китайское население постоянно увеличивалось и к 1624 г. на острове, который с 1620 г. официально именовался Тайвань, проживало 25-30 тысяч китайцев.

Это имело важное военное значение, ибо, благодаря численному перевесу, китайцам удалось отбить японское наступление на Тайвань в 1598 г.

Наличие многочисленной китайской диаспоры помогло командующему пиратским флотом Янь Сы-ци создать в начале XVII в. мощную военную организацию и контролировать морскую торговлю Китая.

Когда в 1621 г., после смерти Янь Сы-ци, его место занял Чжэн Чжи-лун, он уже имел не только сильный флот, но и достаточно однородную этническую массу, опираясь на которую можно было бороться против маньчжур. Уже в этот период Тайвань был также хорошо освоен экономически.

Таким образом, еще до высадки Чжэн Чэн-гуна на Тайвань уже имелись все этнографические и экономические условия для создания там самостоятельного государства и для борьбы с маньчжурскими завоевателями.

Заслуга Чжэн Чэн-гуна в том, что он использовал эти условия сообразно своим целям.

И.Ш.Шифман

ОРГАНИЗАЦИЯ КАРАВАННОЙ ТОРГОВЛИ В СИРИИ I-III в.в.н.э. И ПРОБЛЕМА КАРАВАННЫХ ГОРОДОВ

0.1. Проблема "караванных городов" - иными словами, городов, возникших для удовлетворения торговых потребностей и существующих исключительно как торговые центры - была поставлена и разработана М.И.Ростовцевым. Объективной предпосылкой для подобной постановки вопроса послужили

ло то обстоятельство, что караванная торговля была широко развита в Сирии эллинистического и римского времени, а также хорошо засвидетельствована источниками — эпиграфическими и литературными.

1.1. Одним из важнейших торговых путей из Сирии через Пальмиру была дорога в южную Месопотамию — к Спасинову Хараксу, а также к Вологесии.

1.2. Другая дорога вела через Петру к Левке Кома и в южную Аравию. После утраты Nabatees политической независимости и возникновения провинции Аравии римлянами были созданы торговые пути к Левке Кома в обход Петры.

2.1. Организация торговых караванов лучше всего засвидетельствована пальмирскими надписями. Во главе караванов стояли каравановожатые, обеспечивавшие охрану от нападений кочевников и часто бравшие на себя расходы по снаряжению караванов. Известен целый ряд крупных купеческих семей, в которых профессия каравановожатого была наследственной.

2.2. Досье Небухела из Дюра-Европос показывает, что наряду с крупной торговлей в так называемых караванных городах Сирии I—III в.в. достаточно широко была распространена деятельность мелких дельцов, занимавшихся преимущественно торговлей в самом городе и его окрестностях, но не гнушавшихся и ростовщичеством и другими деловыми операциями.

2.3. Согласно пальмирскому пошлинному тарифу широко была распространена и мелкая внутригородская торговля вразнос.

3.1. Тем не менее, то обстоятельство, что города были центрами сельскохозяйственной округи, прежде всего, свидетельствует против концепции М.И. Ростовцева о существовании "караванных" городов как исключительно торговых центров. Античный город — и сирийский город I—III в.в.н.э. не представляет исключения — представлял собой, прежде всего, гражданский коллектив земельных собственников, осуществлявший свой суверенитет над более или менее значительной сельскохозяйственной округой. Развитие торгов-

ли, естественно, накладывало свой отпечаток на социально-экономическую жизнь города, однако, оно оказалось не в состоянии изменить его характер.

С.А.Школяр

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНЕ СМЕРТИ МУНКЭ-ХАНА

Как известно, внук Чингис-хана монгольский великий хан Мункэ, правивший с 1251 г. завоеванными областями Китая, умер летом 1259 года во время предпринятого им похода в Сычуань. Об обстоятельствах его смерти в источниках и созданных до сих пор исторических трудах нет единой точки зрения. Между тем, вопрос о причине смерти Мункэ-хана представляет определенный интерес. Попытка приблизиться к решению этого вопроса с привлечением новых данных была бы полезной для исторической науки. Кроме того, рассмотрение существующих версий о причине смерти Мункэ дает основание говорить о наличии в историографии того времени двух тенденций, продиктованных определенными политическими целями: с одной стороны – исказить подлинную картину событий, скрыть и запутать факты, с другой – изложить эти факты правдиво, в соответствии с реальными обстоятельствами. Первая тенденция представлена данными официальной кань-ской историографии, служившей интересам монгольских правителей Китая, вторая – материалами местных китайских хроник и сочинениями частных лиц, проникнутыми духом сопротивления иноземным захватчикам.

Как указывает Рашид ад Дин (XIV в.), Мункэ-хан умер от дизентерии во время осады им южносунской крепости Дяньчэнь (возле современного г.Хэчунь провинции Сычуань). Эта версия аналогична сообщению официальной "Истории династии Юань" ("Юань ши") по данным "Хроники царствования Мункэ" ("Мэнгэ шилу"), составленной придворными историографами. Сведения о кончине Мункэ-хана от болезни повторы- рены затем в ряде работ по истории монголов (Бичурин,

d'Osseson, Howorth и др.).

В двух других версиях признается факт смерти Мункэ-хана в ходе штурма крепости Дяоюйчэн. Армянский историк Хайтон (XIV в.) сообщает, что Мункэ утонул, находясь на плывшем к крепости судне, которое было пущено ко дну сунскими диверсантами. Эти данные нашли отражение в исторических трудах де Майя (de Mailla) и Ола (Oule, The Book of Ser Marco Polo). Абульфарадж (XIII в.), в свою очередь, утверждал, что Мункэ был ранен стрелой, и эта версия вошла затем в сочинения Абулгази, Гобилля (Gaubil), де Гиня (de Guignes).

Мнение о смерти Мункэ-хана от раны, причиненной сунским метательным оружием, очевидно, ближе всего к истине, ибо находит подтверждение в ряде китайских произведений. О ранении Мункэ стрелой, пущенной из арбалета, пишет в одном из стихотворений кингсунский поэт Лю Кэ-чжуан (1187-1269), о гибели Мункэ в результате стрельбы защитников крепости сообщает историк Хуан Чжэнь (вторая половина XIII в.) в "Ту цзинь цзиняо юбянь" и др.

В 1960 г. кафедрой истории Юго-Западного педагогического института КНР по материалам многочисленных археологических и письменных памятников была подготовлена книга по истории крепости Дяоюйчэн ("Дяоюйчэн шиши каоча", изд. "Сычуань жэньминь", Чэнду, 1962), ввиду малого тиража ставшая уже библиографической редкостью. Описывая монгольскую осаду 1259 г., авторы обращают внимание исследователей на малоизвестный анонимный источник XIII в. "Дяоюйчэн цзи" ("Записки о Дяоюйчэн") - небольшое произведение, написанное несомненно современником осады. Текст этого источника полностью приведен в 611-м томе цзинской энциклопедии "Ту цзинь тулу цзинчэн" (разд. "Чжифэн дянь", гл. "Чунцинфу бу"). Обстоятельства смерти Мункэ изложены здесь весьма подробно. Как сообщается, Мункэ "сам повел воинов под стену крепости". Далее в источнике описан эпизод разрушения осажденными с помощью камнеметных орудий наблюдательной башни, сооруженной по приказу Мункэ, что полностью

совпадает с данными "Юань ши". Затем в тексте сказано: "в это время северные (то есть монгольские) войска отступили, Сянь-цзун (Мункэ-хана) как громом ударило ветром от катапультного снаряда, отчего он заболел, армия двинулась обратно, у горы Чоуцань его болезнь усилилась..., когда его перевезли через ущелье Ваньтан горы Цзиньцзянь, он умер".

Следовательно, по данным "Дяоюйчэн цзи" причиной смерти Мункэ явилось ранение или, скорее всего, контузия от снаряда камнеметного орудия. Это подтверждает в своих стихах Елюй Чжу, сопровождавший хана в его походе ("Шуан си цзуй инь цзи").

За исключением "Юань ши", составленной по традиции на материале официальных архивов предыдущей династии, исторические труды и памятники китайской династии Мин проводят мысль о смерти Мункэ-хана в результате ранения. Так Шан Лу (1414-1486) в "Цзычжи тунцзянь ганму суйбянь" пишет, что Мункэ погиб от раны, причиненной стрелой. Подобная же запись сделана на памятной стеле 1517 г. в храме Чжун-исы на горе Дяоюйшань. Сычуаньский чиновник Се Ширань, вероятно, на основании местных материалов, в 1484 г. слова подтвердил факт ранения Мункэ ядром, пущенным из камнемета ("Ю Дяоюйшань ши суй").

Историографы следующей маньчжурской династии Цин вновь вернулись к версии о смерти Мункэ-хана от инфекционной болезни (например, Би Юань в "Сий цзычжи тунцзянь", Вэй Юань в "Юань ши синьбянь" и др.). Скрывая истинную причину смерти иноземного правителя от рук китайских воинов, идеологи маньчжуров стремились тем самым искоренить примеры героического сопротивления захватчикам в памяти покоренного населения, принизить его национальное сознание, упрочить свою власть. Политическая подоплека этой версии не вызывает сомнений.

Таким образом, есть серьезные основания считать, что утверждение о смерти Мункэ-хана от болезни не соответствует истине. Мункэ, очевидно, был ранен китайским метательным оружием, вероятнее всего, снарядом камнеметной машины, поскольку сведения об этом принадлежат современникам,

возможно, очевидцам самого события и по времени ближе к нему, чем остальные. Об этом подробно и обоснованно пишут авторы книги "Дяоюйцэн шиши кяоча", материалы которой и использованы в настоящем сообщении.

В.А.Якобсон

О НЕКОТОРЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНАХ НОВОАССИРИЙСКОГО ПЕРИОДА

1. amēl arad ēkallī.

Этот термин встречается в ряде документов и различными авторами переводится по-разному: "строитель", "архитектор" (Э.Вайднер); "чиновник низшего ранга" (Б.Паркер). А.Л.Оппенгейм на основании нововавилонских документов также предлагает перевод "строитель".

Сопоставление новоассирийских текстов заставляет сделать вывод, что рассматриваемый термин следует понимать буквально, т.е. "дворцовый раб".

2. amēl saknūte ma'assi. Перевод Т.Бауэра (начальники линии*) основан на неправильном понимании термина saknu (значение этого термина рассматривалось в других наших работах). По-видимому, ошибочен также и перевод И.М. Дьяконова ("многие (?) saknu"). Данный термин следует переводить "рядовые saknu".

3. amēl raksu. Л.Уотерман переводит этот термин как "колесничие", А.Л.Оппенгейм — как "латники". По-видимому, этот термин обозначает особую категорию зависимых людей, во многих отношениях подобную saknu.

ОБ ИСТОКАХ ТВОРЧЕСТВА АМИРА ХАМЗАХА

1. а/ Амир Хамзах, лучший поэт Индонезии 30-х г.г., известен, прежде всего, как поэт, возродивший традиционную старомалайскую поэзию, и возведший ее своим творчеством на новый, неведомый ей дотоле уровень.

Он известен также как поэт ислама, и суфийско-мистическая направленность его поэзии не вызывает сомнений.

б/ В отношении формы стиха Амир Хамзах отдал дань старомалайской традиции, строя свои, главным образом более ранние стихи в виде четверостиший, с обязательной цезурой, внутрстиховым равновесием частей; продолжив и наполнив новым содержанием традицию малайского "словостиха" и т.д.

2. а/ Но Амир Хамзах был не только и не до конца поэтом ислама, — тем более, что он не был религиозным поэтом в обычном смысле слова: сомнения были не менее характерны для его религиозного чувства, чем вера.

Яванское "язычество" (с точки зрения традиционного ислама малайского мира) оказало на А.Хамзаха значительное влияние. В его стихах можно наблюдать влияние яванской теософии, а также яванскую склонность к синкретизму. Последнее проявилось, например, в употреблении самых разнородных имен-обращений к божеству. Яванская культура вообще и яванский ваянг (кукольный театр теней) в особенности оставили заметный след в его поэзии.

б/ В области стилистики несомненное влияние на поэзию А.Хамзаха оказал яванский стих "маджапат".

Большое количество яванских слов, а также форм яванской лексики отличают поэзию Хамзаха.

3. а/ Некоторые черты поэзии Амира Хамзаха сближают ее с поэзией голландских "восемидесятников". Так, концепция

"искусство для искусства" была ему близка более, чем какая-либо другая; нельзя отрицать несомненный субъективистский характер его поэзии; общая меланхолическая настроенность была отличительным свойством его поэзии. Но эти черты поэзии Хамзаха не были раздражительными, как это имело место у других поэтов Индонезии 30-х г.г. и, возможно, в большей степени были органически присущи его творческой индивидуальности, чем являлись непосредственным отголоском современной ему западной поэзии.

б/ Амир Хамзах никогда не писал стихи в форме сонетов, которыми увлекались индонезийские поэты 30-х г.г., - последователи голландских "восемьдесятников". Но отступления в его стихах от традиции четверостиший, нарушения внутристрихового ритмического равновесия и случаи переноса мысли из строки в строку, а тем самым - зарождение свободной разговорной интонации, явившейся предпосылкой для верлибра поэтов "Поколения 45", - можно отнести к влиянию западной поэзии.

Изысканная мелодичность стихов А.Хамзаха роднит его в какой-то мере с творчеством современного ему голландского поэта В.Клоса. Но в то же время можно утверждать, что высокая аллитерированность его стихов - это наследие традиции малайского пантуна, а в еще большей мере - влияние яванского стиха "маджапат".

4. Поэзия Амира Хамзаха - в лучших ее образцах - представляя соединение столь различных, казалось бы, элементов и беря свои истоки в малайской, яванской и, отчасти, - в голландской поэзиях, - является тем не менее поэзией необычайно цельной, своеобразной и делает его поэтом единственным в своем роде, стоящим особняком в литературном направлении Индонезии 30-х г.г. "Пуджанга бару", к которому он формально принадлежал.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ДРАМАТУРГИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА
У ЧИН У

К началу 19 века в Бирме существовало два вида театра — дворцовая драма "нандвинза" и народное театральное представление. Дворцовая драма в жанре "нандвинза", созданная придворными писателями 18 века, была первым образцом литературной драмы, однако она носила эпический характер, и была предназначена не только для постановки на сцене, но и для чтения во дворце.

Бирманский драматург У Чин У, используя опыт придворных писателей, сумел придать своим произведениям законченную литературную форму. В то же время его пьесы были рассчитаны на сценическое воплощение, и, исходя из этих целей, У Чин У существенно изменил структуру драматургической техники. Прежде всего, его пьесы по объему существенно отличаются от произведений в жанре "нандвинза". Если дворцовая драма в полном виде должна была представляться сцена за сценой в течение многих вечеров (от недели до месяца), то пьеса У Чин У представлялась в течение нескольких часов. Отсюда вытекала необходимость следования важнейшим законам драмы — логичности в развитии действия, строгости сюжетной схемы. Этих принципов и старался придерживаться писатель, хотя это не всегда ему удавалось. Однако это был шаг вперед по сравнению с дворцовой драмой, которая обычно представляла собой собрание сцен, связанных между собой лишь общими персонажами. Так же, как и в дворцовой драме, в пьесах У Чин У отсутствуют танцы и пантомима (за исключением сцен, изображающих придворный церемониал), а количество песен сведено до минимума. Все пьесы (за исключением пьесы "Махо") разделены на небольшие сцены. В своих произведениях У Чин У часто использовал элементы сюжетов драмы "нандвинза" (например,

можно сравнить эпизод сватовства Дэйвы к принцессе с эпизодом сватовства Раваны к Сите или эпизод похищения принцессы Дэйвой — с эпизодом похищения Сити Раваной, в пьесе "Дэйвагонбан" и в дворцовой пьесе "Рама").

Существенное влияние на творчество У Чин У оказали и представления бирманского народного театра. В пьесах У Чин У еще слышны отголоски мистерии. Известно, что отсутствие деления на сцены и симультантное расположение мест действия — характерные свойства мистерии. Как упоминалось выше, пьеса "Махо" еще не была разделена на сцены. В пьесе "Дэйвагонбан" автор использует принцип симультантного расположения мест действия (например, в одной из сцен действие происходит одновременно в трех местах — в убежище отшельника, обители ната (духа) и военном лагере Дэйвагонбана).

В юмористических сценах автор идет от фарса, используя элементы народной смеховой культуры, неприемлемые для дворцовой драмы. Воздействие народного театра сказадось также в импровизационном характере драм У Чин У. Многие сцены в его пьесах не даны в развернутом виде, а лишь слегка обрисованы в расчете на актерскую импровизацию.

Для произведений У Чин У характерно обилие фантастических элементов — среди действующих лиц есть боги, духи, людоеды, сказочные животные, т.е. персонажи, неотъемлемые от народного театрального представления.

Таким образом, в своих произведениях У Чин У, с одной стороны, — использовал достижения дворцовой драмы "нандвинза", с другой — следовал традициям народного бирманского театра.

Творчески переработав опыт своих предшественников, У Чин У сумел создать национальную драму, которая явилась новым этапом в истории развития драматического искусства в Бирме.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЖЕТА "КАЙРАТАПАРВЫ"
(МАХАБХАРАТА 3.39-42)

1. Различные точки зрения на происхождение сюжета "Кайраты". Мнение академика Б.Л.СМИРНОВА, автора русско-го перевода сказания. Мнение Хельда, согласно которому в основе сюжета лежит инициационный миф.

2. Проверка предположения Хельда. Пять обязательных этапов обряда инициации (источники - д"Альмиеля, Леб, Пропш, Спенсер и Гиллен):

- 1) очищение;
- 2) испытание;
- 3) откровение (приобщение);
- 4) жизнь в "лесном доме";
- 5) обряды "реинтеграции".

Содержание этих этапов:

- 1) уединение посвящаемого в лесу, пост, самоистязание;
- 2) избивание посвящаемого, испытываемого на выносливость и стойкость; симуляция смерти и воскрешения;
- 3) явление бога или духа; сообщение посвящаемому тотемических мифов и генеалогий; наречение нового имени; наставление в общественных и культовых обязанностях; вручение магических орудий (иногда - охотничьего оружия) и инструкция об их употреблении;
- 4) изоляция посвящаемых в "лесном доме" тотемического предка; тренировка в ритуальных искусствах; наставление по вопросам половой жизни (иногда половое общение с девушками в "мужских домах");
- 5) обряды, облегчающие возвращение в мир смертных, в том числе различные табу (молчания, неузнанности и т.д.).

Мотивы "Кайраты" и примыкающей к ней главы "Индралока-гамана" объединяются в пять последовательных групп, совпадающих со ступенями обряда:

1) уединение Арджуны в лесу; пост; аскетические подвиги;

2) бой с Шивой (испытание доблести и стойкости); бесчувственность (смерть и воскрешение);

3) явление Шивы, затем - локапал; сообщение о прошлых рождениях, название прежних имен; приобщение к кругу локапал ("Ты - древний Ишана!", 3.42.36. Ишана - бог-хранитель северо-востока); призыв уничтожить чудовищ, врагов богов и пандавов; вручение волшебного оружия с заклинаниями-мантрами и тайнами боевых приемов;

4) вознесение Арджуны на небо, в город его отца Индры; обучение пляскам, пению и владению оружием богов; попытка апсары Урваши соблазнить героя;

5) годовой обет Арджуны, его пребывание в гареме Вираты под видом евнуха.

Единая функциональная направленность действия, совершаемого в "Кайрате" над Арджуной, и хода обряда. Совпадение основных этапов и деталей посвящения с последовательностью мотивов сказания. Учитывая значительное количество моментов совпадения, приходим к выводу, что вероятность случайного выступления обрядовых действий и мотивов сказания в настолько одинаковых комбинациях ничтожна.

Только истолкование содержания "Кайраты" в свете его отношения к обрядовому комплексу инициации делает возможным раскрытие внутренней логики в развитии сюжета и последовательности мотивов сказания.

3. Специфичность обряда, отраженного "Кайратой":

1) характер "дара" (оружие и мантра);

2) своеобразие пространственной ориентации (круг локапал, комплекс "мандалы").

Отсутствие сходных черт в инициации брахманов ("упанаяна"). Целесообразность обращения в поисках параллелей к небрахманским традициям (в частности, к кшатрийской).

Источники сведений о кшатрийской обрядовой традиции:

1) отражение кшатрийских (царских) обрядов посвящения брахманской традицией (абхишека, раджасуя, ваджапея);

2) воспроизведение царского обряда помазания в инициации тантрического буддизма (абхишека).

Основные моменты сходства буддийской абхишеки с обрядом "Кайраты":

1) кульминация церемонии приходится на вручение неофиту ваджры;

2) во многом совпадают пространственная ориентация обрядов, функции и символика божеств мандалы.

Ваджра в тантрическом обряде. Вероятная шаманистская предистория ваджры. Ваджра в зороастризме. Ваджра – оружие ведических Индры и Рудры. Ваджра в буддизме махаяны и ваджраяны. Ваджра и мантра (оружие и мантра в "Кайрате").

Четырехчленная модель мира в ведической литературе. Четыре стороны света в царских обрядах. Локапалы в эпосе и в пуранах. Божества мандалы в тантрическом буддизме.

"Ты – Ишана" как приобщение к кругу локапал. Принятие в "семью татхагатов" в буддийском обряде. "Кулачакра" в индуистской тантре. Принцип соответствия сообщаемой мантры "роду" посвящаемого (anukula). Наречение нового имени в буддийском обряде.

Некоторые другие соответствия деталям обряда "Кайраты" в кшатрийских ритуалах: символика четырехчленного мира в раджасуе; имитация восхождения царя на небо в обряде ваджапея и др.

"Географический фон" "Кайраты" и родина тантры (Непал, Камарупа – страна киратов).

На основании всего вышесказанного можно предположить, что сюжет "Кайраты" восходит к одной из разновидностей кшатрийского посвящения, многие элементы которого были восприняты также ритуальной традицией тантрического буддизма через посредство индуистской тантры.

4. Изначальная двуплановость "Кайраты". Своеобразие индийского пути выделения древнейших форм устной литературы из первобытного синтеза знания и поэзии.

РОМАН СУН СОРЕНА "СОЛНЦЕ ВСТАЕТ НАД ДРЕВНЕЙ ЗЕМЛЕЙ"
И СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА КАМБОДЖИ

1. Особенности социальной и культурной жизни Камбоджи в послевоенный период. Влияние буддизма на духовную жизнь народа. Стремление к сохранению нейтралитета – основное стремление, пронизывающее политическую и культурную жизнь страны.

2. Богатство и разнообразие кхмерской литературы. Развитие в послевоенный период новых для этой литературы жанров: повесть, роман, новелла. Творчество выдающихся писателей-прозаиков Камбоджи: Им Чхон, Хелл Сумпх, Ноп Саван, Ким Сэт, Са Теали, Нёк Тхэм, Сун Сорен и др. Использование фольклорных, мифологических сюжетов. Новое социальное звучание многих традиционных тем. Обращение к славным страницам прошлого своей Родины, особенно ко времени древнего Ангкора. Поворот к современной политической и социальной тематике. Появление новых тем и новых героев. Автобиографический характер многих прозаических произведений. Переводы и переделки произведений западноевропейских и русских авторов.

3. Роман "Солнце встает над древней землей" известного писателя Сун Сорена – одно из лучших произведений современной камбоджийской литературы. Новый герой кхмерской литературы – человек из народа, крестьянин. Судьба героя романа Сун Соме – судьба тысяч крестьян, покинувших свой отчий дом и в поисках счастья и работы отправившихся в город. Заострение внимания на социальных контрастах. Попытка показать образ героя в развитии – от наивного деревенского мальчика до сознательного борца за независимую и свободную Камбоджу. Обращение писателя к актуальным проблемам развития современной Камбоджи.

4. Анализ романа Сун Сорена в сравнении с произведениями его предшественников. Крепкая связь писателя с жизнью народа; стремление правдиво показать ее. Своеобразное сочетание традиционных литературных приемов создания образа с новыми для кхмерской беллетристики приемами. Место романа в современной литературе Камбоджи.

Г.Д.Иванова

"СИРАКАБА" - ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО И ЖУРНАЛ

В идейной и литературной жизни Японии 10-х годов почти полтора десятилетия господствовало общество "Сиракаба" ("Белая береза"), издававшее журнал того же названия. Оно было основано в 1911 г. Первые шаги "Сиракаба" пришлось на глухие "зимние" годы реакции. Быстро развивающиеся капиталистические противоречия в стране и остатки феодальных оков чрезвычайно принижали человеческое достоинство. В этих условиях понятен успех программы "Сиракаба", поднимавшей на щит уважение к личности, веру в необходимость ее свободы и счастья.

Программа представляла собой смесь руссоизма, толстовства, элементов буддизма. Участники "Сиракаба" придерживались мнения, что современное общество равным образом губит и бедных и богатых. Первые замучены непосильным трудом, вторые нравственно гибнут от роскоши и праздности. Лекарство они видели в правильном образе жизни, обязательном для всех общественно-полезном труде. Прогресс общества через воспитание каждого отдельного человека - таково было в самом общем виде кредо "Сиракаба".

Поиски разумных форм общежития привели участников "Сиракаба" к созданию "идеальных поселений", коммун (которые, естественно, не могли быть долговечными, гибли под натиском окружающей их капиталистической стихии). Таковыми были "Новая деревня" на острове Кюсю, сельскохозяйственная община

Карибуто на Хоккайдо. Их основатели гордились тем, что "каждый рабочий человек здесь - барин, а каждый барин - рабочий".

Характерны праздники, которые они для себя установили: Рождество Христово, дата основания деревни, дни рождения Будды, Л.Толстого и французского скульптора О.Родена. Имя последнего может показаться в этом ряду наиболее неожиданным. Между тем, ставя главной своей заботой воспитание гармонического человека, они особую роль отводили искусству. Репродукции скульптур Родена, исключительно остро передававшего внутренний мир человека, не сходили со страниц журнала "Сиракаба". Один из номеров (январь 1918 г.) был целиком посвящен Родену в связи с годовщиной его смерти.

Трудно переоценить роль Сиракаба в деле культурного сближения Японии с Западом. Большинство лидеров Общества было людьми высокообразованными, владели европейскими языками, имели возможность путешествовать. Свое восхищение западной литературой, изобразительным искусством, музыкой они передавали читателям журнала¹⁾. Общество устраивало художественные выставки. Чаще всего это были модные тогда постимпрессионисты: Мана, Дега, Сезанн, Гоген, Матисс, Ренуар. В 1919 г. была организована передвижная выставка В. Блейка, его гравюры демонстрировались в семи городах Японии.

Вождем "Сиракаба" был Мусянокодзи Санэцу (род. в 1885 г.). За долгую жизнь в литературе (его первое произведение было опубликовано в 1908 г., и он продолжает писать в настоящее время) писатель прошел сложный творческий путь со своими взлетами и падениями. Полное собрание его сочинений, изданное в 50-х г.г., составило двадцать пять томов.

С "Сиракаба" связан самый плодотворный период в его творчестве. В годы первой мировой войны он выступил с пьесами "Его сестра" ("Соно имото") и "Некий юноша" ("Ару сэйнан"). Обе они проникнуты острой ненавистью к безумству военной бойни. Моральные принципы Человека с большой

буквы утверждались в эпистолярной повести Мусянокодзи "Дружба" ("Юдзё", 1919 г.). Ее герой, пройдя через муки неразделенной любви, лишившись единственного друга, с удвоенной энергией обращается к творчеству как источнику обновления. О величии человека говорила пьеса-сказка "Да здравствует человек!" ("Нингэн бандзай" 1922 г.). С большой художественной изобретательностью, свободно смешивая реальный и фантастический планы, Мусянокодзи показывает нравственное превосходство людей над "богами и ангелами".

В золотой фонд японской литературы вошли и произведения других крупнейших писателей "Сиракаба": Арисима Такэо, Сига Наоя, Сатоми Тон, Киносита Тосихару, Нагаё Ёсио, Арисима Икума и других. Они несли с собой не только идеи гуманизма, ценности человеческой личности и ее высшего проявления — искусства. Ими сделан большой вклад в преобразование литературного стиля, его обогащение, модернизацию. "Сиракаба" открыла окно и впустила свежий ветер в нашу литературу" — писал известный новеллист Акутагава Рюноске.

П р и м е ч а н и е :

I/ О широте интересов "Сиракаба" дает представление простой перечень иллюстраций, помещенных в одном из номеров журнала за 1919 г. "Что касается иллюстраций, то решено дать... Из картин и скульптур будут три цветных репродукции: Фра-Анжелико, Дюрер и Ван Гог; остальные восемнадцать — это Джотто, Ментенья, Боттичелли, Леонардо, Микель-анжело, Тинторетто, Донателло, Ван Эйк, Греко, Рубенс, Рембрандт, Блейк, Гойя, Делякруа, Милле, Шаванн, Сезанн, Роден. Портреты будут следующие: Вагнер, Берлиоз, Вебер, Гюго, Ибсен, Уитмен, Достоевский, Толстой, Стриндберг, Верхарн, Метерлинка, Ромен Роллан".

См. серию "Полное собрание современной японской литературы" ("Гэндэй nihon бунгакү дзэнон"), т. I, Токио, изд. Тикума сёбо, стр. 196.

О НЕКОТОРЫХ ХАНАХ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Хотя монгольская литература — одна из тех областей монголоведения, которая привлекала внимание ученых с момента возникновения этой отрасли науки, однако история монгольской литературы не написана и по сей день, что объясняется сложностью и малонаученностью материала. Эта литература непосредственно не принимала участия в главном потоке развития всемирной литературы, но она представляет собой важную часть культуры народов Центральной Азии. В монгольской литературе уживались рядом сказание об Александре Македонском (по всей вероятности, перевод с уйгурского), индийские сказки Панчатантры и стихи буддийских мистиков (переведенные с тибетского), китайские этические учения и самобытные произведения кочевников степей.

Не само понятие литературы здесь нелегко выложить. Что такое монгольская литература? В наиболее широком и еще не совсем устаревшем смысле она охватывает все письменные памятники и фольклорные произведения на монгольском языке, т.е. оригинальные сочинения /например, "Сказание о двух скакунах Чингиза"/ и переводы (например, китайского романа "Путешествие на Запад") или индийской грамматики Панини в буддийском каноне), исторические, философские и дидактические трактаты или книжку о способах пияния (мы не имеем здесь в виду новых литератур монголоязычных народов МНР, СССР и КНР). Менее широкое понимание включает до-революционную, еще общемонгольскую литературу, состоящую из оригинальных сочинений (включая в их число и произведения устного народного творчества) и из художественных переводов. Такое понимание отражено, например, в известной хрестоматии проф. Дамдинсүрэнэ.

Признавая огромное значение художественных переводов

для развития монгольской литературы, я предпочитаю более узкое понимание этой литературы, согласно которому она состоит только из оригинальных сочинений устного и письменного творчества, причем устное народное творчество является более или менее общемонгольским до наших дней и является одним из связующих элементов новых литератур.

При данном положении изучения литературы, казалось бы, еще рано заниматься вопросами жанров, но ряд интересных наблюдений и опытов классификаций свидетельствует о том, что сам материал требует таких исследований. Разумеется, существующие классификации еще не охватывают все разновидности фольклора и деревенщинной литературы. Последний опыт (Ринчиносамбуу, Улак-Батер, 1959) касается народной песни. Эта, впрочем очень полезная, классификация является преимущественно тематической, и некоторые ее категории кажутся искусственными, а сама народная песня — неоднородной категорией стихотворных сочинений, в состав которых входят только те произведения лирики, которые поются, но вне пределов классификации остаются другие стихотворные лирические произведения, которые не всегда или вообще не связаны с музыкой.

Таким является и жанр случайного стихотворения, виды которого известны под различными названиями, как "ода" или "похвала" или гимн (монг. матгад), "благопожелание" или "молитва" (монг. нрүгэр, нрүгэл) и просто "стихи" (монг. калбога); среди последних часто встречаются и сатирические "оды" или "частушки". Эти три вида различаются по функции: на произношении "благопожелание" связано с "жизненными" обрядами и с магией, "гимны" бывают и "светские" (напр., похвала скакуну) и религиозные (напр., хвала божеству охотников в молитве Манах-и-у санг "Куруние Манахано"), а "частушки" исполняются без обрядов. Во всех трех разновидностях преобладает описательный характер.

В параллельных стихах "гимны" перечисляются добрые качества героя, причем грамматическая структура повторяется почти неизменно. Самый простой вид гимна является се-

рией эпитетов, определенных о повторыющимися определяемым на конце строки и часто без глагола, без сказуемого. В благопожелании наблюдается такая структура: например, перечисление частей юрты с гиперболическими эпитетами, но функция поэмы здесь требует и глагольного сказуемого, выражающего пожелание, и, таким образом, серия определенных о определяемом является одновременно серией прямых дополнений. Третий вид - "частушка", - представляет собой перечень качеств или движений также в повторыщейся без наменений грамматической форме. Движение или действие часто заключены в эпитете в форме причастия, и в этом случае грамматическая структура - опять серия определенных, т.е. именных синтагм.

Эти разновидности форм случайной поэзии, которые могут быть названы условно "художественными каталогами", считаются обычно обменгольскими и древнемонгольскими, особенно "благопожелание". Однако известно, что тибетское влияние было не только в письменной литературе монголов, но и их фольклор обогатился индо-тибетскими элементами, путь заимствования которых часто кажется весьма сложным. Можно предполагать, что в случае "благопожелания" и "гимна" мы имеем дело с влиянием религиозных стихотворений, которые являются переводами с тибетского или подражают индо-тибетским формам (см. тиб. рабсан, рабсан, монлам). Таким образом, если данные монгольские литературные формы сохранили некоторые элементы древнемонгольской поэзии, то бесспорно также, что они подверглись сильному влиянию ламенистической литературы, вероятно, за исключением "частушек".

Л.К.Павловская

ИЗ ИСТОРИИ ТЕКСТА "ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ"

Свод "Цэн чжи тун цзянь", написанный Сыма Гуанем в 1085 г., - исторический источник "Пинхуа по истории Пяти

династий". Первое издание его вышло в свет сразу же после того как работа над ним была завершена - 22 ноября 1086 г. появился императорский указ о напечатании книги. Впоследствии труд Сыма Гуана переиздавался неоднократно. Ранние сунские издания полностью не сохранились, за исключением издания, воспроизведенного в библиотеке-серии "Си бу цун кань" (1928 г.). Наиболее распространенным текстом "Цзы чжи тун цзянь" является текст издания конца XII в. с комментариями Ху Сань-синя (Дань кань Ху чжу бэнь). В 1816 г. он был переиздан с досек, заново вырезанных Ху (Цзы Цзя-цзи эрши и янь Ху не цзя фу ке Дань кань Ху чжу бэнь). В 1956 г. Пекинское издательство "Ту цзи чубаньшэ" выпустило в свет новое, десятистронное издание "Цзы чжи тун цзянь", взяв за основу текст 1816 г. и дополнив его данными из работы Чжан Юйя "Сопоставление текстов Цзы чжи тун цзянь, вырезанного Ху, с сунскими изданиями" (Ху не тун цзянь чжэнь цзяо Сун бэнь цзи, 1929 г.). Чжан Юй отметил в тексте издания 1816 г. среди прочих неточностей свыше пяти тысяч двустот одиннадцать пропущенных знаков.

Различия в текстах "Цзы чжи тун цзянь" разных изданий дают основание поставить вопрос - текст какого же издания лежит в основе "Пинхуа по истории Пяти династий"? И, если мы сумеем выявить это конкретное издание, можно будет довольно точно определить время создания исследуемого нами памятника.

Мы провели сверку текста "Пинхуа по истории Пяти династий" с текстом "Цзы чжи тун цзянь" издания 1956 г. Сверка показала, что в тексте пинхуа есть знаки, отсутствующие в тексте "Цзы чжи тун цзянь". Оказалось, что эти знаки отмечены Чжан Юйем как пропущенные или ошибочно написанные в издании 1816 г. Составив таблицу нападений, просмотренных Чжан Юйем, мы отметили в ней разночтения в текстах "Цзы чжи тун цзянь" и пинхуа. Данные таблицы позволяют нам высказать предположение, что текст "Пинхуа по истории Пяти династий" восходит к одному из сунских изданий: или а) к изданию, выпущенному во втором году Мао-син (1182 г.) в г. Юйле Чжэнь-сяньным ведомством пре-

иници Чжацяня (по терминологии Чжан Дин "двенадцатистрочное издание") или б) к изданию, воспроизведенному в "Сы бу му кань" ("второе одиннадцатистрочное издание"). Это издание, по мнению Чжан Дин'я, вторая редакция "первого одиннадцатистрочного издания", вышедшего после 1225 г. Оба они относятся к изданиям семьи Ин не г.Цзяньчжан през.Фуцзянь (Цзянь бань). Поскольку "второе одиннадцатистрочное издание" вышло после "первого", мы датировем его приблизительно серединой XII в.

Автор-рассказчик пользоваясь, вероятно, наиболее современным ему изданием "Цзы чжи тун цзянь" как наиболее распространенным и доступным, поэтому можно предположить, что "Пинхуа по истории Пяти династий" было создано в эпоху Ланной Сун после выхода в свет названных выше изданий, т.е. в середине XII или XIII веков.

1. Пх - Пинхуа по истории Пяти династий.
2. Цань - Цан чжи тун цзянь, изд. 1956 г.
3. Цифры означают: первая - номер страницы
вторая - номер строки
4. Обведенные знаки отмечены Чжан Дием как пропущенные или неверно написанные в изд. 1816 г..
5. Знак + означает наличие этих знаков в тексте.
6. Знак - означает их отсутствие.

ТАБЛИЦА различий текстов "Цэн чхи тун цэвэнь" и "Пинхуа по истории Пяти династий"

№ п/п		十二行 本	十四行 本	十六行 本	十八行 本	北 宋
I	Их, 66, 14. 士卒墜落崖谷北的十之二三 Цам, 8193, 5-7. 士卒墜崖而墮, 皆腹疾足腫, 死者什二三	+	-	-	-	+
2	Их, 86, 6. 但書早辭下禮 Цам, 8903, 5-6. 吾皇親履下禮	+	-	-	-	+
3	Их, 90, 1. 然書為我屈意行之 Цам, 8920, 8. 書為我屈意行之	+	-	-	-	-
4	Их, 90, 14. 上師后妃百官皆拜之, 惟鄭崇輒不拜 Цам, 8933, 5. 親師后妃及皇弟皇子拜之, 有臣莫敢不拜	+	-	-	-	-
5	Их, 93, 8. 於基前即皇帝位 Цам, 8983, 6-7. 於基前即位	+	-	-	-	-
6	Их, 99, 3. 太僕少卿教仕何澤 Цам, 9087, 3. 太僕少卿何澤	+	-	-	-	-
7	Их, 118, 7. 契丹主與明宗約為兄弟 Цам, 9143, 4. 契丹主素與明宗約為兄弟	+	-	-	-	-
8	Их, 132, 14-133, 1. 八月舊主上尊於契丹 Цам, 9188, 6. 舊主上尊於契丹	+	-	-	-	+
9	Их, 139, 13. 玉帶御馬金帛 Цам, 9256, 2-3. 玉帶御馬	+	-	-	-	+
10	Их, 144, 9. 就使東[手]就擒 Цам, 9289, 15. 與其東首就擒	+	-	-	-	+

ПОХОРОННЫЕ ПЕСНИ КУРДОВ-ЕЗИДОВ ЗАКАВКАЗЬЯ

1. Отсутствие записей текстов курдских похоронных песен в научной литературе. Причины.

2. Первые записи текстов похоронных песен, произведенные автором у курдов-езидов Закавказья - выходцев из Турции ¹⁾.

3. Бытование похоронных песен среди курдского населения. Характер связи похоронных песен с погребальным обрядом. Характеристика исполнения песен. Отсутствие стабильности текста. Сочетание элементов импровизации наряду с установленными формулами.

4. Последовательность при исполнении похоронных песен. Независимость исполнителей друг от друга. Отсутствие элемента "отвапливания".

5. Основные циклы похоронных песен: женский и мужской. Их тематика. Песни обоих циклов, исполняемые на смерть: ближайших родственников, главы семьи, дальних родственников, жениха, невесты, главы племени, старейшины рода.

6. Песни мужского цикла, связанные с обрядом "х'оталь" (*yê ge'andine*). Описание обряда "х'оталь".

7. Песни обоих циклов, оплакивающие умерших на чужбине.

8. Отражение в похоронных песнях идеологии кочевого и оседлого курдского населения.

9. Взаимосвязь похоронных песен с другими жанрами курдского фольклора. Характеристика мотивов. Природа в похоронных песнях.

1) Из всех курдов-езидов, любезно сообщивших мне тексты песен, к числу лучших знатоков-исполнителей принадлежат: Керим Бабаси, Джалиле Ремо, Софийе Хасан, Окойе Слеман, Алийе Джаво, Сачое Хаджи, Хамойе Хасан, Сабри Шавеш и Бедиль Тафур. Пользуюсь случаем принести им глубокую признательность.

10. Композиция, язык и стиль. Традиционные выражения - формулы, позволяющие опознавать похоронные песни.

11. Форма похоронных песен (трех- четверостишия, рифмуемые по схеме ааа, ааbb. Запев и рефрен.

Тоническая метрика стиха похоронных песен, позволяющая сделать предположение о первоначальной тонической природе курдского народного стиха.

12. Похоронные песни, как источник, содержащий новый большой материал для изучения духовной, материальной культуры и быта курдского народа, его обычаев, обрядов и воззрений.

Г.В.Сорокоумовская

КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ СУАД ДЕРВИН /по материалам романа "Фосфорическая Джеврие"/

1. В 40-е годы Суад Дервин - зрелый мастер слова. Писательница, журналистка, общественная деятельница, она ототеняет интересы турецкого народа своим пером, призывая к добрым отношениям с СССР. Ярким доказательством тому явилась ее книга "Почему я друг Советского Союза" /1944г./.

2. Среди послевоенных произведений С.Дервин особого внимания для уяснения характера дальнейших гуманистических устремлений писательницы заслуживает роман "Фосфорическая Джеврие". В 1948 г. он начал печататься на страницах стамбульской газеты "Вечерняя почта". После появления первых глав дальнейшая публикация его прекратилась. В 1956 г. роман попадает за границу, в 1957 - выходит из печати в русском переводе, в 1962 г. издается в Болгарии на турецком языке. В настоящее время - переведен на ряд языков мира.

3. Интерес к теме человеческого "дна", лежащий в основе произведения, свидетельствовал о духовном и творческом росте писателя как реалиста, не прошедшего мимо

крупного социального явления XX в. — начавшегося "активного, хотя и уродливого высвобождения человеческой личности от инерции".

4. Отдельные представители лимпен-пролетариата и раньше появлялись в турецкой литературе, но они принципиально отличались от героев "Фосфорической Джеврие". Тогда это были всего лишь индивидуумы, которые выглядели как досадные исключения, теперь же они напоминали горьковских и как раз тем, что были типичны и прямо "выламывались" из жизни, каждый подтверждая собой единую закономерность: начавшийся распад капиталистического общества.

5. В основу романа положено необычное происшествие из жизни Стамбула: случайная встреча революционера-подпольщика и уличной женщины. Острая завязка используется автором для рассмотрения сложных актуальных проблем, и, прежде всего, освобождения человека. Эта проблема решается "открытием" в "лишнем человеке" — Человека; утверждением в нем богатых потенциальных возможностей; преобразованием личности под воздействием положительного примера; признанием нового героя — Человека-борца и гражданина; выявлением глубинных причин нравственного совершенствования человека.

6. Главные пути, намеченные для решения избранной проблемы, составляют ведущие идейные линии романа, которые тесно переплетаются между собой и формируются на материале "лишних" людей и "положительного героя". Крылатые слова А.М.Горького: "Человек — это звучит гордо" выражают центральную идею произведения.

7. Название романа — прозвище женщины. Подобно главному персонажу романа предыдущего десятилетия — "Эмине" (1931 г.), принесшего писательнице известность, Фосфорическая Джеврие одновременно и жертва и героиня сегодняшней Турции. Она, с одной стороны, — личность заурядная, типичный представитель многотысячной армии деклассированных элементов капиталистической страны, с другой — личность исключительная (по своей внешности, характеру, судь-

69).

8. По-прежнему продолжая видеть озов миссии в защите униженного человека, С.Дервин отныне окончательно отказывается от апологии страдания и связанного с этой апологией утешительства. Теперь она приходит на помощь человеку не только призывом к обособленности от общества и не одним обличением социальных пороков, а убеждением в общественной значимости человеческой личности, показом того нового и положительного, что зреет в обществе, доказательством необходимости революционного преобразования действительности. В связи с этим к человеку пред"являются новые требования. В основе концепции - глубокое уважение к нему, к его сложному духовному миру, к его чувствам, к его достоинству.

9. Характер героини в романе воспроизводится как явление историческое и одновременно - социальное. В нем отчетливо проступают противоречия в развитии личности в условиях капиталистического общества, на которые в свое время указывал еще В.И.Ленин: "ее прогрессирующий распад" и одновременно "общий подъем чувства личности". Джеврие, оставая "девушкой", в силу обстоятельств, выходит на путь борьбы за изменение действительности (правда, движимая пока только чувством) и погибает в этой борьбе. Сложная эволюция ее внутреннего мира, ее душевное выпрямление и гражданское возмущение завершается жертвой, которую она приносит во имя спасения другого человека. Подвиг Джеврие - высшее проявление ее нравственного потенциала, итог восходящего процесса развития личности, который подается как основная закономерность революционного развития современного общества.

10. Роман "Фосфорическая Джеврие", действующие лица которого - воры, босики, бандиты, проститутки, нищие, подобно пьесе А.М.Горького "На дне", появившейся на русской сцене в начале века, - произведение, обличающее современное турецкое общество, где сотни тысяч людей оказались выброшенными за "борт" жизни. Но этим не исчерпывается его гуманистический смысл, ибо он развенчивает

также влияния угнетенных, обнажая перед ними пути, на которых они ищут для себя спасения; подталкивает их правильный выход из положения и, наконец, самим фактом своего появления знаменует большой успех национальной литературы, утверждая новые эстетические принципы. Теперь прекрасным признается человек не столько застенчивый (как доктор Невкет в романе "Эмине") и даже не просто негодующий (как сама Эмине в заключительной сцене одноименного романа), сколько сознательно и активно борющийся за преобразование действительности и увлекающий своим примером.

И.И.Цукерман

ЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА КУРДСКИХ НАРОДНЫХ ТРЕХСТИШИЙ

Настоящее предварительное сообщение основано на анализе народных трехстиший, записанных автором в 1936г. у курдов Туркмении, говорящих на хорасанском курманджи.

Как и другие фиксированные стихотворные формы (ор. сонет, рубай), трехстишия хорасанских курдов строятся по определенным логическим образцам. Автор ставит своей задачей выделить некоторые из таких образцов, не ставивая на точности предложенных описаний.

(№ 1)

Ma şewana şereşu şevîn, Как хороши эти ночи,
Yar we tenê radekevin, Выбленные спят ярозь,
Xew le ş'avê me nakevin. Сон не смыкает наших глаз.

(№ 2)

Xewa min tê, radekevin, Хочется опять, лягу опять,
Gul tunîne, we ba kevin, Милой нет - лечь с ней,
Ez we tenê ranakevin. Один я не уйду.

К приведенным трехстишиям может быть приложен такой штамп: 1. [Так как] ... 2. [А] ... 3. [То] ...:

[Так как] ночи очень хороши, [А] выспленные спят прозь,
[То] сон не омывает их глаз; [Так как] я хочу спать и я
лягу спать (т.е. пора спать), [А] милой нет, чтобы лечь
с ней, [То] один я не уложу.

(№ 3)

Nawa sara, nawa sara, На дворе холодно, холодно,
La ber dèrî bême dare, Я окоченел у твоих дверей,
Ruqset bide, bême male. Разрешни мне войти в дом.

(№ 4)

Rezê bavê te mêşîne, Стадо твоего отца - одни овцы,
Le du pilan dedoşîne, Их долт двумя руками,
Baek u pilê me têşîne. Болят наши руки и плечи.

К № 3,4 может быть приложен тот же штамп, но только
с заменой противительного союза "а" соединительным союзом
"и": [Так как] на дворе холодно [И (вследствие этого)]
я окоченел у твоих дверей, [То] разрешни мне войти в дом;
[Так как] стадо твоего отца - овцы [И] их долт двумя руками,
[То] болят наши руки и плечи.

Различие противительной и соединительной связи сущест-
венно. Оно соответствует тому, что в № 1,2 третья строка
(финаль) представляет собой заключение, вывод из противо-
речия, которое содержится в противопоставлении второй стро-
ки (меднахи) первой строке (инициали), между тем как в
№ 3,4 такого противоречия между медналь и инициалью
нет; заключение является двухступенчатым, оно начинается
с меднахи и развито в финали. Поэтому № 3,4 могут быть
преобразованы следующим образом: [Так как] на дворе хо-
лодно, [То] я окоченел у твоих дверей [И поэтому] разре-
ни мне войти в дом; [Так как] стадо твоего отца - овцы,
[То] их долт двумя руками [И поэтому] болят наши руки и
плечи.

(№ 5)

Wa oweye, wa oweye, Вот кочевье, кочевая община,
Rezê owê we howeye, Овцы в общине пасутся по очереди,
Sal gerdiş wî, nowa meû Год прошел - очередь наша.

(No 6)

Xowa min tê, radekevin, Хочется спать, лягу спать,
We hemizi yarê kevin, Лягу в объятия возлюбленной,
Min bikujin, vernakevin. Убейте меня, не встану.

(12 7)

Ez ki terem, tu demini, Я уйду, а ты останешься,
 Le sar u germê delerzini Ты будешь дрожать в жару и холод,
 Herdem yarê we bîr tîni. Постоянно вспоминать будешь нам
 любовь.

Трехстишия № 5,6 подобны по своей структуре № 3,4. Что же касается № 7, то оно аналогично № 1,2 — с той только особенностью, что в № 7 обе посылки заключены в инициальном стихе, а медиальный стих и финальный вместе составляют единое заключение: [Так как] я уйду, а ты останешься, [То] ты будешь дрожать в жару и холод, Постоянно вспоминая нашу любовь.

Во всех приведенных трехстийных имеет место подчинительная связь, т.е. такая связь, которая допускает применение штампа с подчинительным союзом или другим словом с подобным значением. Подчинительной связи противостоит связь сочинительная, не допускающая применения подчинительных союзов. Ср., напр.:

(附 8)

Ç'ike asmin dane-dane, Звезды на небе - зернами,
Yê ha terin ilçiyê mene, Вон те идущие - наши сваты,
Ilçî nînin mewsedene. Это не сваты, а обманишки.

(No 9)

Zawê tenge, zawê tenge, Ущелье узкое, теснина,
Syare tâye reng we reng. Едут всадники в яркой одежде,
Syarê rêsyûê ci qezenge Как красив передний всадник!

(№ 10)

Ezi tème je kirizê,
Ço davême darê gwizê,
Derevinim şalê qizê.

Я иду из Фирозы,
Сбиваю палкой орехи,
Похищаю девицью шаль.

Эмоционально-лирическое развитие трехстишия стоит, по-видимому, в более или менее регулярной связи с его до-

гической структурой. Однако независимо от подчинительной или сочинительной связи финальный стих — не только заключение, вывод, но и эмоциональная вершина, крутой взлет, часто — резкий лирический сдвиг. Любопытно, что этой цели служит не только само содержание финального стиха, но и, например, кажущаяся на первый взгляд алогичной смена "объективного" третьего лица "субъективными" первыми или вторым лицом. См. финаль трехстишия № I: Сон не смыкает на-них глаз. Ср. также финаль в № II:

(№ II)

Dorna-xanim - gerdem-xerî, Дорна-ханум — красавица,
Cayil jêra deden girî, Юноши страдают по ней,
Le hali mi tu nalkirî А на меня ты не смотришь!
(№ II заимствован из коллекции Апбаса Мамедназарова. См. Маруф Хазнадар. Очерк истории современной курдской литературы, 1967, стр.20).

В.Д.Мейнин

ЙОСЭФ БЕН ТАНХУМ ХАЙ-ЙЕРУСАЛИМ И ЕГО ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

0.1. О еврейской художественной литературе Египта конца XII и начала XIII в.в. почти ничего не известно, так как дошло очень мало памятников этого времени, происходящих из Египта, причем подавляющая часть дошедшего — религиозные и философско-этические сочинения.

0.2. Большинство из деятелей культуры Египта указанного времени группируется вокруг семьи "нагидов Израиля и Муды" потомков Моисея Маймонида: его сына 'Абрѣхѣма и его внука Давида, живших в Каире (Фустате) и занимавшихся философией и экзегетикой. Особенно важна их филантропическая деятельность как меценатов еврейских поэтов. Они и сами не чуждались поэзии. 'Абрѣхѣм бен Моше Маймун со-

чиния стихи. После его смерти 'Ем'азар хаб-Бади посвятил ему элегию. Мамарий ха-Идрити посвятил четыре стихотворения Давиду бен 'Абрахам Маймоний.

0.8. Одним из членов литературного кружка Маймонидом был поэт Йосеф хай-Йерушалий (род. в 1262 г. в Каире, дата смерти неизвестна), сын известного эскагета и грамматика Танхума бен Йосеф хай-Йерушалий.

1.1. Несмотря на то, что с 1898 г., когда Х.Броди открыл существование поэта, им занимались многие и известные исследователи (Яков Мани, А.М.Хаберман, Х.Б.Ширман, Ш.М.Итери), биография Йосефа и его творчество мало изучены. До сих пор опубликовано около десяти маленьких фрагментов, по которым почти невозможно составить себе представление о творчестве поэта.

1.2. Между тем, мы располагаем значительным количеством рукописей поэта, которые сохранили его сочинения почти полностью. Одни из них были известны ранее, другие удалось обнаружить и идентифицировать в ходе нашей работы.

1.3. Рукописи Британского музея и ГИБ им.М.Е.Салтыкова-Щедрина сохранили самое раннее сочинение Йосефа хай-Йерушалий "Сёфер 'аругот хаб-бесамим" и II-III разделы Дивана поэта.

1.4. Книга гимнов "Сёфер 'аругот хаб-бесамим" написана в 1277 г., когда автору было 15 лет. По стилю она является подражанием книге Моше ибн 'Езра "Тарийн" (или "Анаф"). Сочинение известно в рукописях 2-го собрания Фирковича № 100/I и № 291/I. Оно состоит из 10 глав ("гряд").

1.5. Йосеф бен Танхум составил арабский глоссарий омонимов, используемых в этом произведении. Текст глоссария сохранился в рукописях 2-го собрания Фирковича №100/I, № 291/2 и в рукописи, которую Я.Мани называет Harkavy 1.47 и которую нам не удалось разыскать¹⁾.

2.1. Диван Йосефа хай-Йерушалий состоял из 7 разделов. I и II разделы до сих пор не обнаружены. III раздел содержит мақамы и послания. Мақамы обнаруживают сильное влияние Йехуды 'ал-Харизми на стиль автора. IV раздел сохранил-

ся в рукописях Брит.муз. Ог. 2588 и 2-го собр.Фирковича № 85/8, 85/26, 100/1, 291/1.

2.2. Макъмы Йбсёфа чаще всего посвящены нагъду Давъиду бен 'Абрахъм Маймунъй. Ему же адресованы несколько посланий Йбсёфа. Кроме него, Йбсёф посылал послания другим знатым евреям Египта.

2.3. IV раздел Дивъна составляют панегерики, поздравления, касиды, послания и пиййуты на различные праздники и несколько селъхот (покаянных молитв) /Рукописи Брит.муз. Ог. 2588, 2-е собр.Фирковича № 47 (л.72а) 85/8, 85/26, 100/1, 100/2, 102/2 (последняя рукопись известна по статье Я.Манна 2), нам ее разыскать не удалось) и № 201/П.

2.4. V раздел включает стихи о любви и вине. Построенные на рифмовке омонимов, как это имеет место в винных песнях Мбне ибн 'Еарё, они обнаруживают большой лирический дар автора, уступая только образцам того же рода, созданным корифеями "золотого периода" еврейской средневековой поэзии. Всего сохранилось 9 стихотворений этого раздела в рукописи Брит.муз. Ог. 2588, но их было больше, так как после IX стихотворения этого раздела идет арабское заглавие следующего.

2.5. Так же талантливо написаны 9 элегий на смерть близких поэту людей: отца, матери, обоих родителей. Ицхакъ бен Давъид Маймунъй-и эпитафия на могиле отца. Эти скорбные стихи составляют VI раздел /2-е собр. Ф. № 100/1.

2.6. Очень интересен VII раздел Дивъна, содержащий 26 произведений смешанного характера. Это стихотворения на бытовые темы, пронизанные остроумием и тонким юмором /2-е собр.Фирковича № 100/1/.

2.7. Проф. Х.Ширман и А.Штраус, исходя из одной арабской приписки в IV разделе Дивъна Йбсёфа и, учитывая предположительную атрибуцию А.Я.Гаркави в его краткой публикации 3), приписывают Йбсёфу бен Танхум еще философско-этический трактат "хадб'ик 'ал-'атйаб" 4), с чем мы не можем согласиться, считая это заглавие арабским переводом еврейского названия упомянутой выше книги

гимнов "Сѣфер 'а́рүгбт хаб-бѣс'а́йм" ("Книга гряд благово-
ных растений").

3.1. Нами была идентифицирована и описана рукопись 2-го собр. Фирковича № 85/8⁵⁾, оказавшаяся частью кодекса, содержащего и рукопись № 85/26 из того же собрания. Другой частью того же кодекса являются 5 листов из рукописи того же собрания № 100/2, содержащие начало IV раздела Дивана. Стихи из Дивана Йосефа бен Танхум, возможно, содержат еще несколько определенных рукописей из европейских и американских хранилищ. Это будет выяснено после получения микрофильмов с них.

3.2. Все рукописи произведений Йосефа бен Танхум вместе взятые дают достаточно полное представление о творчестве талантливого поэта, хорошо знавшего еврейскую и арабскую литературу.

3.3. Все рукописи восходят к первой трети XIV в. Только одна из них датирована (2-е собр. Фирковича № 291/2 -

1644 г. по селевкидской эре, т.е. 1880 г. н.э.). На рукописи Markavi L. 47 (см. выше I.5 и прим. I) в конце имеется приписка, что рукопись списана с автографа сочинителя.

3.4. "Сѣфер 'а́рүгбт хаб-бѣс'а́йм" и Диван Йосефа бен Танхум заслуживают быть изданными, чем будет заполнена значительная лакуна в изучении еврейской художественной литературы Египта конца XII - начала XIV в.в.

П р и м е ч а н и я:

1) J. Mann, Texts and studies in Jewish history and literature, vol. I, Cincinnati, 1931, p. 444.

2) Там же, p. 489.

3) А.Я. Гаркави, Хэдешим гем йеваным, № 10, стр. 7

4) J. Schirrmann, Joseph ben Tanchum Jeruschalmi, Encyclopaedia judaica, vol. IX, p. 388.

5) В.Д. Мейнин, Неизвестная рукопись Дивана Йосефа

бен Танхум хай-Йерумали, - Проблемы истории и филологии стран Азии и Африки. Сборник в честь 70-летия проф. И.Н. Вилинкова (находится в печати).

О.П.Щеглова

АНОНИМНАЯ ПОЭЗИЯ И ПРОЗА НА ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ В
ЛИТОГРАФИРОВАННЫХ ИЗДАНИЯХ СОБРАНИЯ
ЛО ИНА

1. Число произведений безавторской персидской литературы - прозы и поэзии - в собрании ЛО ИНА невелико, но разнообразно по тематике и интересно по содержанию. Этот род литературы мало представлен в известных каталогах литографированных изданий (собрание библиотеки Британского музея, библиотеки Индия Оффис, справочник Мумера и др.).

2. Поэтические произведения - тексты та'зие, религиозно-назидательные поэмы, сказки, басни, поэмы о событиях иранской революции 1906-1911 г.г. и др. - составляют большую часть, из них треть - тексты та'зие (т.е. религиозных мистерий, посвященных памяти инитских имамов).

3. Собранные усилиями В.А.Жуковского и его учеников, тексты та'зие как образцы персидской религиозной драмы представляют большую ценность. В упомянутых каталогах литографий этот вид литературы отсутствует; обширное ватиканское собрание рукописных текстов мистерий располагает небольшим числом (17 номеров) поздних (1946 и 1951 г.г.) литографий. У нас 27 изданий, выпущенных в конце XIX и начале XX в.в.

4. Ряд поэтических произведений не зафиксирован в известных каталогах рукописей и литографий. Популярная басня о коте и мышах, кроме своей основной версии, приписываемой 'Убайду Захани (ум.1370 г.), и мухаммасов, отмеченных Мумаром, представлена в форме мусаддасов.

Любопытен сборник, содержащий сказки о павлинке и садовнике, о приключениях Салмана из Дамт-и Арман и, также нигде не отмеченный, персидский вариант курдской народной поэмы о продавце корзин. Здесь же помещены три стихотворения без названия, одно из которых близко к названному А.Н.Болдыревым тексту чукчинной песни, записанной им на Памире. Литография сохранила нам персидский вариант всемирной темы о блудном сыне.

5. Особое место благодаря своему остро-социальному содержанию и уникальности занимают поэмы, посвященные народным волнениям в Мешхеде в 1908 г. и в Исфахане в годы иранской революции в 1908 и 1909 годах.

6. Проза. Собрание хранит: а) наиболее известные образцы этого рода литературы – героические романы, повести, сказки: "Шируйе", "Хаварнаме", "Дастан-и Амир Хамза", "Бах-тияр-наме" и др.; б) менее распространенные – "Хусайн Курд Набистари", "Михр ва Мах"; в) не отмеченные в рукописных каталогах – "Хикайет-и Шахзаде-йи Хурмуз ва Гул"; г) известные по рукописям сказки о четырех деревнях и плутовке из Багдада представлены здесь другими вариантами.

7. Хотя литографским способом издавались наиболее распространенные и популярные произведения безавторской прозы, но их репертуар в литографиях и рукописях не совпадает полностью и, следовательно, для изучения анонимной литературы, ее происхождения и объема нельзя оставлять в стороне литографированные издания.

М.Н.Боголюбов

АРАМЕНСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ НАНАШТА ИЗ КИЛИКИИ

1. Сто лет тому назад Деренбург (ЖА., 1868, 277 ff.) установил, что лежащая у истоков арменистики карпентраеская надпись-эпитафия ахеменидского времени из Египта, впервые опубликованная в 1704 г., является поэтическим

произведением. Деренбург считал стихи эпиграфы силлабическими (там же, 279), Торрей — силлабо-тоническими (ЖАОБ., 1926, 246). Мной высказано мнение (Известия АН СССР, ОЛЯ, 1968, т. XXII, вып. I, стр. 57), что найденная в 1965 г. на месте древнего Даскхлеона (Турция) арамейская надпись V в. до н.э. также является поэтической, составленной на основе восьмисложного силлабического размера, во всяком случае ее 2-4 строки, ср. транслитерацию и чтение:

- (1) 'lh almh zy 'larp br 'šy
- (2) hw 'bd lnpāh hwmtyk
- (3) bī wnbw zy 'rḥ' znh
- (4) yāwh 'dh 'yš 'l y'ml
- (2) hū 'abad lnpāh hōmītāk
- (3) Bel ūNabū zī 'urhā znā
- (4) yihwē 'ādē 'iš 'al y'amml

"Эти — его изображения, Элнана, сына 'šy. Он сделал (их) для своей гробницы. (Он сказал:) "Я заклиная тебя Белом и Набу! Тот, кто будет проходить этой дорогой, пусть не причинит (им) вреда"

форма Pa. от 'ml употреблена в значении Pa. от hbl "причинять вред", "портить"; hwmtyk Naf. от ymn "клясться" + мест.суфф. 2-го л. ед.ч.м.р. (так же в объяснении Кросса), а не иранское слово (Бенвенист, Дюпон-Соммер, Делькор).

2. Ритмическая форма, как мне теперь представляется, придана также арамейской надписи Нанашта из Киликии, примыкающей по письму и по содержанию к надписи из Даскхлеона. Вот текст и перевод этой надписи:

- (1) ptkr znh hqm nnšt
- (2) qdm 'drawn lgnnh
- (3) nṣy zy lh wmn byš
- (4) y'bd 'm ptkr znh
- (5) wyb'h lh šhr wšmš

"Это изображение поставил Нанашт Адрасуну, чтобы защитить его / свою гробницу. Кто причинит вред этому изображению, с того взыщут Луна и Солнце".

В написании *ptkr* ~~mn~~ ударный гласный определенно-го артикля (-ā) не отмечен при слове иранского происхождения (*patikara*). Ср. этот орфографический прием при иранских словах 'bā hwn znh (Персеполи) 'abad hāwanā znā "он сделал эту ступку", *pruṣt zu mšlm* (Элефантина) *paruāptā zi m.* 4. "рабыня Мешуллама". Ср. различные способы передачи конечного неударного гласного в иранских словах *azdā*, *asprnā*, *Artaxšassa*: : в ахем.-арам. 'zd, 'sprn, 'rthšš; в библи.-арам. 'zd, 'sprn, 'rthšat; в надписи из Армении 'rthšsy. С помощью "хе" в *lgnnh* (Inf.Pa.)

передан гласный в исходе инфинитива: *ligannānā*. Конструкция, в которой инфинитив стоит перед дополнением *lgnnh pršy zu lh* "чтобы защитить свою гробницу", имеет параллель в элефантинском документе: *lhšqu' ḥyl'* "чтобы напоить войско". Написание *pršy zu lh* является орфографическим вариантом к обычному *prš' zu lh*.

Надпись можно разделить на следующие четырехсложные ритмические единицы:

patakrā znā | haqīm Manašt | qdām 'Adrasōn |
ligannānā | napšā zi lēh || wman biš yib'ad |
'im. ptaḫrā znā | wayib'ē lēh | šahar wšamaš ||.
 Ср. Дан. 4:31 | *dī šālṭānēh | šālṭān*
'ālam | wūmalkūtēh | 'im dār wedār ||.

СИМВОЛИЗМ "УМЕНЬШЕННОГО" (-u^{ai}-) И "МАЛОГО (РАСТУЩЕГО)" (-iau) В СЕМИТСКИХ ЯЗЫКАХ

0.1. Символика противопоставления гласных типа *u* (нижний тон) :: *i* (высокий тон) для обозначения "большого" :: "малого" относится к числу наиболее известных и легко объяснимых (колебания больших тел дают более низкий звук, и наоборот).

0.2. Имена уменьшительные распространение увеличительных, так как в природе чаще наблюдается "уменьшенная копия" нормы (в органическом мире, где за норму берется взрослая особь). Так, среди и.-е. языков уже предполагался символизм уменьшительных суффиксов: англ. -y = -i^e/i/, ит. -ino, исп. -ico, -ito и др.

0.3. В семитских языках ярко выступает уменьшительная роль звука типа *i* в ударном (реже - бывшем ударном) слоге; его высота часто подчеркнута контрастным *u* в другом слоге (с переходом черед нейтральное *a*), что дает картину восходящего или нисходящего тона (при сохранении центральной роли *i*, см. 0.2). Наиболее характерен полугласный *i* (краткие гласные поздно выделились из общего *u* - "игрек").

1.1. Наиболее известен араб. тип -u-^{ai}- (с вариантами), означающий уменьшенность любого объекта. Происхождение "анормально" (как предполагают, от -u-^a-^h).

1.2. В евр. языке ср. 'amēlāl (ē<a^h) 'жалкий' (= 'umāl). Более известен тип *-u/i-i^h-(i^h=i)>-a-i^h-, уничижительный в названиях лиц: kēiil, 'ēiil 'глупец', 'ēiil 'божок', 'āiilē 'людишки' (?-Ис.16:7 (р. Мер.48:81), 'amīlōn 'этот жалкий Аммон'.

2.1. Уменьшительным признан и редкий араб. тип -i-(x²)au-, обозначающий детенышей (нечто малое вначале): 'iḡḡau 'теленоч' (= 'iḡl), hinnaus 'поросенок';

ор. также qillôa 'комка'.

2.2. В евр. языке ср. qillôa '(ново) рожденный', если совпадение не случайно. Евр. тип $-i-(x2)\text{ô/ə}$ обозначает мелких животных и растения, но он лишь нормально восходит к типу qillôa (араб. qillôa = евр. qillôa 'ягн' и т.п.), от которого мог "анормально" возникнуть и араб. тип $-i-(x2)\text{ô}$. Но случаи $i > i\dot{a}$: qillôa/ôa = qillôa 'оорняк' - возможно, символичны (см. ниже).

3. "Анормальный" евр. тип $-i\dot{a}-\text{ô}$ может восходить к различным типам. Уменьшительным считается tillôa 'пальмочка' (узор) (tillôa , tillôa 'пальма'). Ср. имя двух (?) городов qillôa 'Сигор' (корень 'быть малым, узким'); qillôa 'ошейник (узника)' (корень 'быть узким') и группу qillôa , qillôa 'искра', qillôa , qillôa 'дым курения, пар' (легкие, дробные материи. Ср. араб. qillôa). В Талмуде ср. qillôa I. 'сова', II. 'обезьянка' (qillôa 'обезьяна').

4. Место для вставки $-i\dot{a}-$, как мы видели, часто дает повтор согласного (иногда он притом символизирует дробность). Ср. также qillôa 'позор' (= qillôa). Ср. то же в новейшем иврите: qillôa , qillôa 'рыб (сн)ка', qillôa 'теляце', qillôa 'частица' и т.п.

5. Известна уменьшительность суффиксов $-i\dot{a}$ (иврит, эф.), - ai (эф.). Ср. евр. qillôa 'вернышко' (корень gr 'уменьшать').

6. Многообразие и "анормальность" уменьшительных форм с $i, \dot{a}$ подтверждает их отприродный символизм.

7. С уменьшительными не всегда совпадают "ласкательные" имена (влияние "сюсюкающей" окраски типа $\ddot{u}$), о чем мы покажем в другой раз.

8. Описанному символическому родственно и полное противопоставление qillôa , сохранившееся в различении рода (м.:ж.) местоимений 3-го лица в семитских и египетском языках.

**КАРАИМСКИЕ ЯЗЫКОВЕДЫ XI - XII ВВ. О ГРАММАТИЧЕСКОМ
СОПОСТАВЛЕНИИ ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИХ СЛОВ /ПО МАТЕРИАЛАМ
НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ. М.Е.САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА/**

1. Для сохранения правильного чтения текстов Библии масореты сопоставляли сходные по огласовке слова. Масоретские сопоставления не являются грамматическими, ибо их исходной точкой был лишь тип огласовки, а не грамматическая форма слова. В масоретских сопоставлениях имеются ряды, в состав которых входят морфологически разные древнееврейские и арамейские формы.

2. Поворотным пунктом в истории еврейской грамматической науки был X век, когда под влиянием арабских грамматиков в грамматические сочинения проникли понятия "слабых" согласных и "слабых" корней. В конце того же столетия было сформулировано правило о трехсогласном составе корня и утвердилось понятие о закономерных звуковых изменениях. Основой сопоставлений древнееврейской лексики стала трехсогласная модель слова. Сведение всех глагольных и именных форм к трехсогласным моделям не требовало, однако, особых правил сопоставления слов, ибо сама модель представлялась как выражающая соответствующие грамматические категории /по-рода, время, число, род и др./. Среди приверженцев Йехуды Хаййи́джа, автора правила о трехсогласном составе корня, был Самуил Нагид /XI в./. Приняв учение Хаййи́джа, он в то же время оспаривал абсолютный характер этого закона. Так, Нагид полагал, что "пустые" глаголы не могут быть приравнены к трехсогласным моделям, ибо они являются, по его мнению, двухсогласными.

3. Караимские грамматисты XI-XII в.в. вообще отрицали трехсогласный состав корня и возможность сведения всей лек-

стики к единой трехконсонантной схеме. Языковеды караимской школы строили грамматические ряды, отталкиваясь не от моделей трехсогласного корня и глагольных пород (последние у них вообще отсутствуют), а исходя из положения, что корни могут быть не только трехсогласными, но и двух- и даже односогласными. Правилам сопоставления слов, базирующимся на этих принципах, посвящена особая глава ("Ba'ar ha-mi'kal") в неопубликованном сочинении XI-XII в.в. "Me'or 'ayin" (уникальная рукопись ГИБ). Эти правила предусматривают, что сопоставляемые слова должны иметь одинаковую огласовку, одинаковое количество согласных корня (причем должны быть идентичными соотношения устойчивых и неустойчивых согласных) и что гортанные согласные в сравниваемых словах должны занимать одну и ту же позицию. Сопоставляемые слова должны быть одинаковыми с точки зрения их временного значения, числа и типа глагольного словообразования. Учитываются также такие критерии как близость сопоставляемых слов с точки зрения их семантики (предмет-признак и др.). Далее, сопоставляемые слова должны быть одинаковыми по формам St. constr. и St. absol., по наличию согласных с придыханием и без придыхания, по ударению, и, наконец, они должны обязательно принадлежать к одному и тому же языку (имеются в виду прежде всего различие арамейского и древнееврейского). Автор сочинения указывает, что конечной целью вышеуказанных правил сопоставления является образование по аналогии незафиксированных форм.

4. Данная глава "Me'or 'ayin" воспроизводит, в основном, 28-ю главу неопубликованного сочинения "Al-kafit", написанного на арабском языке (его автором был караим Абу-л-фарадж Харун или ах-фарадж, I-я половина XI в.), отличаясь от своего источника более кратким и четким изложением и отсутствием большого количества примеров.

5. Анализ этой главы показывает, что караимские языковеды, являвшиеся приверженцами теории одно-, двух- и трехсогласных корней, достигали во многих случаях лингвистически весьма точного сопоставления форм слов.

О ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В ЯЗЫКЕ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕ- ВЕКОВОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В период Сун и Юань произведения художественной литературы на байху обнаруживают серьезные расхождения в системе грамматических признаков. Произведения, созданные в одно время, но в разных местах – северная группа памятников и южная группа памятников – представляют два типа языка, два диалекта, развивавшиеся параллельно (северной и южной гуаньхуа по Ли Шу-сяну). К северной группе памятников относятся цзиньские песенно-повествовательные произведения чжугундяо, пьесы юаньского периода и др. К южной группе – рассказы эпох Сун, Юань и начала Мин, вошедшие, например, в сборники "Цзинь бэнь тунсу сяо" и "Цинпиншань тан хуабэнь", роман "Шуй ху чжуань" (за исключением последних пятидесяти глав 120-главой версии этого романа, которые по языку отличаются от первых семидесяти глав).

При сравнении южной и северной групп памятников здесь использованы, соответственно, сборник "Цзинь бэнь тунсу сяо" (далее – "Цзинь бэнь") и пьесы периода Юань (далее – "пьесы"). Последние дают тот же тип языка, что и цзиньские чжугундяо, возникшие одновременно с "Цзинь бэнь".

Поскольку хронологические и локальные различия в языке отдельных памятников наиболее отчетливо проявляются в области так называемых "пустых" морфем (сюда относятся не только служебные слова или частицы, но также слова-заместители и некоторые наречия), то, естественно, на эти морфемы и будет обращено основное внимание.

Прежде чем говорить о расхождениях локального (диалектного) характера в грамматической системе северных и южных памятников, остановимся на некоторых явлениях, общих для тех и других и характеризующих их принадлежность к одному

этапу в истории китайского языка.

Ряд грамматических явлений, возникших в эпоху Сун и отсутствующих в произведениях, написанных до Сун, представлен в "Цзин бэнь" и в пьесах, а именно: суффикс множественности 們 мэнь, предлог со значением совместности 和 ха, показатель определения 的 ди, местопредикативы со значением "так", "такой" 恁(的,地) хэнь (ди, ди), 恁般 хэньбань, 這等 чжэден, 這般 чжэбань, вопросительные местопредикативы "как?", "каким образом?" 怎(的,地) цзэнь (ди, ди). В обоих памятниках из глагольных отрицаний для прошедшего времени обычно употребляется 不曾 буцэн и лишь иногда 未曾 вэйцэн; в роли запретительных отрицаний наблюдаются 休 сю и 莫 мо; в начале предложения в значении "когда" или "ждать, когда" отмечены 等(等.....時) дэн (дэн...шэ) и 待(待.....時) дай (дай...шэ); условное предложение образуется либо при помощи конструкции 若.....時 жо... шэ, либо просто с жо и 若是 жоши; в функции современного предлога 把 ба выступают два слова — ба и 將 цзян; широко представлена морфема 將 цзян в составе сложного глагола; в каузативном предложении, кроме служебного слова 教 цяо, употребляется 着 чжао; обычны наречия 別 бе, 自 цзы, а также частица 兀 у перед местоимениями и некоторыми другими словами и т.д. Ни для "Цзин бэнь", ни для пьес не обычны грамматические явления, свойственные более поздним памятникам: местопредикативы, образованные с помощью морфемы 樣 ян; условное придаточное предложение с 要是 яоши или 要 яо; запретительное отрицание 別 бе; наречие 很 хэнь "очень"; предлог 給 гэй, вводящий косвенное дополнение и т.д.

Расхождения в грамматической системе рассматриваемых памятников прежде всего и весьма существенно проявляются в области местоимений и модальных частиц, но не ограничиваются ими. В "Цзин бэнь" из личных местоимений обычно употребляются 我 во "я", 你 ни "ты", 他 та "он" ("она"); во множественном числе они оформляются суффиксом множественности 們 мэнь. В пьесах все эти место-

имення представлены и с показателем мэнь, и с показателем май, совершенно отсутствующим в "Цзин бэнь". Кроме этих местоимений, в пьесах наблюдаются и слитные формы местоимений 俺 ань = 我們 вомэнь и 您 нинь = 你們 нимэнь. Поскольку они представляют собой слитные формы, они имеют значение множественного числа. Тем не менее местоимение ань очень широко употребляется и в значении единственного числа, выполняя функции как определения, так и подлежащего и дополнения. Употребляясь во множественном числе, ань могло оформляться суффиксом множественности, в наших текстах — обычно суффиксом 們 мэнь; отмечены, кроме того, формы 俺兩個 ань лянгу и 俺二人 ань эр хэнь. Наблюдается в значении единственного числа и местоимение нинь (и как определение, и как подлежащее). Встречается также и другой графический вариант 您 — иероглиф 您. С суффиксами множественности местоимение нинь в наших текстах не отмечено; употребительна форма 您兩個 нинь лянгу. Для пьес характерно также употребление местоимений 咱 цэ "я" и 咱(答) цэнь "я и ты", "мы (с тобой)", "мы (с вами)", не обычных для "Цзин бэнь". Цэнь (которое в других памятниках пишется и как 咱) является слиянием 咱們 цзамэнь. Различие между цзамэнь (включающее) и вомэнь (исключающее) существует только в северной группе памятников, в южных памятниках в обоих случаях одинаково употребляется вомэнь (или же сочетания 我和你 во хэ ни, 我同你 во тун ни, 你我 ни во). Несмотря на наличие в пьесах включающего местоимения, иногда там встречаются сочетания типа во хэ ни. Как и ань и нинь, цэнь в пьесах наблюдается и в значении единственного числа (возможны сочетания 咱和你 цэнь хэ ни или 咱與你 цэнь ий ни — "мы с тобой"). Случаи оформления местоимения цэнь суффиксами множественности крайне редки; употребляется форма 咱兩個(箇) цэнь лянгу.

Местоимение 自家 цзыцзя, встречающееся в "Цзин бэнь" наряду с 自己 цзыцзи обычно в значении "сам", в пьесах значительно преобладает по употреблению над

цзыпан, но оно наблюдается там в значении "я" (в значении "сам" очень редко).

Модальные частицы представлены в рассматриваемых памятниках следующим образом. В "Цзинь бэнь" в повествовательном предложении используется частица 哩 ли, соответствующая современной частице 呢 ни в повествовательном предложении; вопросительной частицей является 麼 ма; в повелительном предложении употребительны 貝 и 個 箇 цзэга и (редко) 罷 ба. В пьесах ли (哩 или 里) чрезвычайно распространена, ни эпизодична; частица ма наблюдается очень часто, кроме того, существует вопросительная частица 那 на, подчеркивающая вопрос подобно современной частице ни; частица цзэга встречается редко, вместо нее употребляются частицы 者 ча и 咱 ца и при этом очень часто; частица ба наблюдается часто, широко представлен и другой графический вариант этой частицы — частица 波. Мы не останавливаемся здесь на всех модальных частицах, весьма обильно представленных в пьесах.

М.Исхаков

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В СОГДИЙСКИХ ДОКУМЕНТАХ С ГОРЫ МУТ

1. Согдийские документы, найденные при раскопках замка на горе Мут и датируемые, на основе историко-археологических данных, первой четвертью V в. н.э., не получили еще исчерпывающего лингвистического комментария. В данном сообщении сделана попытка дать грамматическую характеристику некоторых глагольных форм, образованных от основы презенса. Среди них особого внимания заслуживают формы Sg. Impf. с медиальными окончаниями.

2. Эти формы, по нашему мнению, сводятся в мугских текстах, как и в других согдийских памятниках, лишь к 3 Sg. (для легких основ — флексия = t' , для тяжелых

основ $-t$, см. I. Gershevitch, GMS, § 709-710) и к 1 Sg. для последнего только для глагола $^w s =$ 'брать', широко засвидетельствованного в документах с горы Муг ($^w stw = astu$, где w - флексия 1 Sg. Impf. Act. нарабатываемая на форму 3 Sg. Impf. Med., см. GMS, § 690). По мнению издателей III выпуска серии "Согдийские документы с горы Муг", формы с медиальными окончаниями засвидетельствованы также для 1 Sg. от глаголов $\beta ur =$ 'получать', $\delta \beta (?) r =$ 'давать', $\gamma wr =$ 'есть, вкушать', $\alpha k w =$ 'выдавать (?)'; для 3 Sg. в качестве медиальной рассматривается форма $\delta'rt$ от глагола $\delta' r =$ 'иметь; держать' (см. вып. III, стр. 21, а также глоссарий). Однако соответствующие тексты позволяют отказаться от такого толкования: $\beta urtw$ в док. Nov. 6 выступает в конструкции с энклитикой 1 Sg. ($rtm \beta urtw...$), т.е. в конструкции, обычной для "Старых писем" и применяемой для выражения перфекта переходных глаголов - конструкции, сохранившейся до наших дней в ягнобском языке, но в письменном согдийском выступавшей сравнительно редко ¹⁾). Таким образом, мугские хозяйственные документы в этом случае сохранили старую форму переходного перфекта, а не 1 Sg. Impf. с медиальным окончанием (ср. вып. III, стр. 50). Точно также причастием, а не формой 1 Sg. Impf. Med., является $\gamma wrtw$ в док. Б-2 (стк. 1, 2, 3, 4) ²⁾ - в этом документе безличная пассивная конструкция выражается как собственно пассивными глаголами ($^w \beta ur$, стк. 1; γwr , стк. 6), так и чистым причастием - $\gamma wrtw$ 'съедено' (ср. сходное употребление причастия в других согдийских текстах, см. GMS, § 865). Характерной чертой мугских текстов в этих случаях является форма причастия на $= w$ (древний Acc. Sg.), тогда как для других согдийских текстов в таких конструкциях является нормальной нулевая флексия причастия (см. GMS, §§ 532-534). Можно полагать, что в начале III века в согдийском письменном языке форма причастия в таких конструкциях преобразовывалась по аналогии с аналитическим перфектом (с $\delta' r =$), в котором причастие (легкие основы) выступало с конечным $= w$ ($^w krtw \delta' r =$ и т.п.).

форма $\delta\beta'rtw$, которая в III выпуске трактуется как 1 Sg. Impf. Med. в док. А-5, (стк 17), также является Part. , употребленным безлично. Этот отрывок текста (стк. 17-24) упоминает о выдачах, производившихся не самим автором документа, а другим лицом или лицами, не упомянутыми по имени. В док. Б-12 форма $\delta\beta'rtw$ (Part.) также употреблена дважды в качестве 3 Sg. Perf. Pass. - в этом же тексте в стк. 4 также безлично употреблено и причастие $\beta\gamma'ut$ "взято".

форма $\delta\beta rt$, вопреки мнению издателей III вып., ни в одном случае не может быть истолкована как 3 Sg. Praes. Med. в расписках В-5, В-19, А-10, равно как и в док. Б-1, эта форма всегда с успехом может быть понята как 3 Sg. Praes. Act. /'имеет' (или 'хранит, держит').../. В док. А-4 (verso , стк. I) и А-11 вместо $\delta\beta rt$ следует читать соответственно $\delta\beta rt$ и $\delta\beta r$. В док. Б-5 (стк. 2) вместо чтения $\beta\acute{k}wtw$, предполагаемого издателями III вып. и толкуемого ими как 1 Sg. Impf. Med. со значением 'я выдаю' от глагола $\beta\acute{k}w=$, следует читать $\beta\gamma'ptw$ 'хреп' - титул, известный из согдийских текстов.

Таким образом, приходится признать, что сфера употребления медиальных окончаний в мугских документах, как и в других согдийских памятниках, является весьма узкой. Для 1 Sg. она ограничена только глаголом $\beta\acute{a}=$.

3. Во второй части сообщения рассматриваются засвидетельствованные в мугских документах формы 2 pl. (с характерным для них многообразием флексивных показателей), а также формы сослагательного наклонения, прежде всего те, которые в опубликованных ранее согдийских текстах не были представлены.

П р и м е ч а н и я :

1/ Об этой конструкции в "Старых лисьмах" и в буддийских текстах см. К. В. Кауфман, Некоторые вопросы истории согдийского языка, - "Труды Института языкознания АН СССР",

т. VI, 1956, стр. 492-494.

2/ В стк. 5 этого документа, вместо $\delta n'rtw \chi nt\mu$ 'с пшеничной мукой' (I вып., стр. 77, стр. 81, з. v. 'rtw) или $\delta n'rtw \chi nt\mu$ 'спелые пшеницы' (II вып., стр. 80-81; ср. стр. II 5 - здесь 'rtw толкуется как 'малое количество' и сравнивается с древнерусским артава - единица меры; последнее хорошо возводится к семитскому названию меры объема), лучше читать $L'rtw \chi nt\mu$ 'несмолотая пшеница', где 'rtw - Part. от корня ar= 'молоть', ср. согд. 'rt(?)k 'мука', перс. āra от того же корня (чтение указано В. А. Лившицем).

К. Б. Копинг

ПЕРЕХОДНОСТЬ В ТАНГУТСКОМ ЯЗЫКЕ

I. Существуют классификации тангутских глаголов на две группы по принципу переходности - непереходности. Согласно одной (Нисиде Тацуэ) переходными глаголами являются глаголы, непосредственно перед которыми стоит название объекта действия, а непереходными - такие, непосредственно перед которыми стоит название субъекта действия. По другой классификации (М. В. Софронов) переходными глаголами являются глаголы, которые могут иметь дополнение без послелога, а непереходными - такие, которые могут иметь дополнение с послелогом. Однако эти классификации не являются достаточно полными. По-видимому, целесообразнее выделять три группы глаголов, которые мы пока назовем глаголами первой группы, глаголами второй группы, глаголами третьей группы.

II. Глаголы первой группы чаще всего имеют перед собой дополнение без послелога, обозначающее объект действия. Иногда дополнение при этих глаголах имеет послелог 𐌒𐌐 .in

(отмечен при глаголах 𐌒𐌐 sa "убить",
𐌒𐌐 wo "окружить", 𐌒𐌐 m𐌒𐌐 "увлажать",

𐄎𐄌 𐄎𐄌 "бояться" и т.д.) или послелог 𐄎𐄌 𐄎𐄌
 𐄎𐄌 (при глаголах 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "знать", 𐄎𐄌 𐄎𐄌
 𐄎𐄌 "думать", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 - "рассчитать",
 "взвесить", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "бороться"). Для обоих
 послелогов значение показателя объекта не является обыч-
 ным: в других случаях послелог 𐄎𐄌 𐄎𐄌 в предложе-
 нии стоит между двумя именами и выражает притяжательность,
 а послелог 𐄎𐄌 𐄎𐄌 имеет значение "по" (𐄎𐄌 𐄎𐄌
 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "по воде"). Дополнение без
 послелога при глаголах первой группы иногда может быть
 инверсировано в позицию перед подлежащим (при глаголах
 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "наносить поражение", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "увидеть",
 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "читать", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "захватить"). Глаголы
 первой группы иногда могут употребляться и без дополне-
 ния. Глаголы, обладающие указанными признаками, можно
 считать переходными.

III. Глаголы второй группы так же, как и глаголы пре-
 дыдущей группы, могут иметь дополнение без послелога, но
 это дополнение не имеет значения объекта. При глаголах
 этой группы после дополнения всегда может быть вставлен
 послелог или слово категории места, которые в отличие от
 послелогов при глаголах первой группы сохраняют свое обыч-
 ное значение, ср. 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "входить в
 ухо" и 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "входить в
 жилище", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "прид-
 ти в государство" и 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "придти
 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "придти в опасную местность".

Во вторую глагольную группу входят следующие глаголы:
 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "встретиться", 𐄎𐄌 ? "сблизиться",
 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "граничить", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "отде-
 латься", "избавиться" и глаголы, имеющие значение движе-
 ния и пребывания на одном месте (𐄎𐄌 𐄎𐄌 "придти",
 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "прийти", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "по-
 явиться", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "войти", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "на-
 ходиться", 𐄎𐄌 𐄎𐄌 "расположиться" и т.п.).

IV. Глаголы третьей группы не могут иметь неоформ-
 ленного дополнения. Многие глаголы этой группы свободно

употребляются без дополнения. Сюда относятся глаголы
 ५१ si "умереть", ५२ xwa "погибнуть",
 ५३ ka "подчиниться", ५४ mbe "быть разби-
 тым" и т.п. и глаголы чувства и выражения чувств (५५
 ? "радоваться", ५६ tshge "гневаться",
 ५७ mbe "смеяться", ५८ ५९ "плакать" и т.п.).

Б.И.Кузнецов

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АДВЕРБА В МАРАТХИ

/попытка истолкования/

1. Среди автосемантических разрядов слов адverbь в маратхи занимают то же место, что и адverbь в русском языке. При возможном делении всех автосемантических слов маратхи на глаголы и неглаголы адverbь относятся к числу последних, т.е. входят в состав имен.

2. Наряду с такими наиболее широкими разрядами именных слов, как субстантивы и адъективы, адverbь можно рассматривать как слова, имеющие определенное морфологическое значение.

Под морфологическим значением слова мы понимаем его изменение по определенной морфологической категории, например, по роду, числу и падежу (характеризующим именное словоизменение в маратхи) и, таким образом, разделяем точку зрения, согласно которой, например, "значение падежа как такового выражается в противопоставлении форм, имеющих значение отдельных падежей" 1).

3. Адъективы (Ad), субстантивы (S) и адverbь (Adv) в маратхи противопоставлены друг другу по определенным дифференциальным морфологическим признакам, совокупность которых рассматриваем как морфологическое значение соответствующего класса слов. Для характеристики названных классов выделяем дифференциальные признаки: 1) изменяемости/неизменяемости по родам (генуальной альтернативности/неальтеративности), 2) изменяемости/неизменяемости

по падежам (казуальной альтеративности/неальтеративности) и 3) изменяемости/неизменяемости по числам (нумеральной альтеративности/неальтеративности).

Класс слов При- знак	Ad	S	Adv
Ген.альт.	+	-	-
Каз.альт.	+	+	-
Нум.альт.	+	+	-

4. Категории рода, числа и падежа характеризуют адвербиальный класс слов негативно в словоизменительном отношении, т.е. адвербы являются неизменяемыми словами. Однако это не значит, что адверб не имеет рода, числа и падежа, подобно тому, как неизменение по роду не свидетельствует об отсутствии значения (граммемы) определенного рода у субстантива (в маратхи это выражается определенным типом субстантивной парадигмы).

Можно говорить, что адверб и субстантив имеют фиксированный род, т.е. не имеют возможности выбора в отношении (граммем) рода, а адъектив имеет такую возможность, т.е. изменяется по родам.

Мы считаем, что морфологическое значение адверба характеризуется нулевой парадигмой по всем (названным) морфологическим категориям (субстантив, к примеру, имеет только родовую нулевую парадигму), т.е. словонеизменением по этим категориям.

5. Словонеизменение адверба по указанным морфологическим категориям рассматриваем как выражение фиксированности граммем этих категорий в слове, т.е. наличия не более одной граммы определенной морфологической категории в данном слове.

Для того, чтобы идентифицировать адверб в граммемном отношении, его нужно рассмотреть как член формального ряда

по определенной морфологической категории (категориям), т.е. как член "системы словоформ, объединенных не по признаку тождества лексемы, а по признаку тождества формы" ²⁾).

Например, адverbы *balēs* "силой, насильно" и *śaśāṇ^a rapāṇē* "умно" могут быть включены в формальный ряд по признаку тождества формы среднего рода, единственного числа, прямого падежа на *ē*. В действительности эти адverbы представляют исторический инструменталь на *ē* (в современном маратхи *nē: balāṇē, śaśāṇ^arapāṇē*), что несущественно с точки зрения современного состояния языка, и предложенная граммемная интерпретация приведенных адverbов представляется допустимой (ср., например, адverbальное употребление прямого падежа на *ḥ*: *divasāṇi - divas* "изо дня в день, день ото дня").

Таким образом, в ряде случаев мы приписываем адverbу определенную грамему в достаточной степени произвольно, но в синхронном отношении такой произвол, с нашей точки зрения, оправдан потому, что названные морфологические категории для адверба являются несинтаксическими, так как не мотивированы его употреблением (адverb не имеет возможности выбора по роду, числу и падежу).

6. Учитывая рассмотренную возможность граммемной интерпретации адverbов, при синхронном анализе маратхи слова этого класса могут быть описаны с помощью тех же морфологических категорий, что и другие имена (неглаголы), т.е. поддаются морфологическому описанию на формальных основаниях, общих для класса имени в этом языке.

П р и м е ч а н и я :

1) А.И.Смирницкий. Синтаксис английского языка, стр.29.

2) А.И.Смирницкий. Указ.соч., стр.21.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ФОРМООБРАЗОВАНИЕ С ПОМОЩЬЮ ПРЕ-
ФИКСА а- В БИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Образования на а- в бирманском языке представляют собой чрезвычайно разнородный класс. Префикс а-, обычно считающийся идентичным во всех случаях его употребления, расщепляется на ряд омонимов.

2. Прежде всего, можно выделить такие образования, где префикс а- присоединяется к "связанным" морфемам. Образование, состоящее из "связанной" морфемы плюс префикс а-, является словом-существительным и имеет то же лексическое значение, что и соответствующая "связанная" морфема. В этом случае префикс а- является словообразующим, отличая слово от морфемы.

3. Принято считать, что во всех случаях, когда префикс а- присоединяется к глаголу (глагольному корню), результатом является образование отглагольного имени. Однако анализ материала показывает, что большое число таких образований не обладает именными свойствами. Иначе говоря, мы имеем дело не с одним префиксом а-, а с несколькими его омонимами.

4. Можно предложить следующий критерий для разграничения таких омонимичных образований на а-: а) если слово с префиксом а- заменяется корневым словом-существительным с сохранением грамматической правильности предложения, то мы имеем дело с отглагольным именем — следовательно, со словообразованием; б) если указанная замена невозможна, но, напротив, слово на а- заменяется некоторой глагольной формой, то мы имеем дело с формообразованием, результат которого — определенная форма глагола.

5. Анализ показывает, что целесообразно различать слова на а-, образованные от глаголов действия (слова A_1) и слова на а-, образованные от глаголов качества (слова A_2).

Большинство слов A_1 действительно могут заменяться корневыми словами-существительными и являться отглагольными именами. Следовательно, в отношении этой группы слов A_1 традиционная точка зрения не вызывает возражений.

Однако наряду с этим существуют слова A_1 , которые не могут заменяться корневыми словами-существительными, но могут заменяться глагольными формами на -йвай¹ ("предварительное сказуемое"), -йва² ("дополнение цели") и формой на -ау² ("результативное определение"). Очевидно, в этих случаях мы имеем дело не со словообразованием, а с формообразованием.

6. Слова A_2 не могут заменяться корневыми словами. Их обычные синтаксические функции (постпозитивное определение к существительному и определение к глаголу) вообще не типичны для имени. С другой стороны, слова A_2 могут заменяться редуцированной формой глагола качества. Следует предположить, что в данном случае мы также имеем дело о формообразовании - образовании особых глагольных форм ("атрибутивов").

И.М.Оранский

О ЧЕРЕДОВАНИИ z/d В НЕКОТОРЫХ ПЕРСИДСКО-ТАДЖИКСКИХ ДИАЛЕКТАХ

1. Произношение глагола گذشتن (совр.перс. gozāštan / тадж. guzaštan) и его дериватов с интервокальным d - характерная черта таджикских говоров, занесенных на территорию Средней Азии из Афганистана. Такое произношение засвидетельствовано в таджикской речи группы парья, в говорах групп "кавол" (шех-момади) и чистони, в говоре сел.Хупар Сары-Асийского района Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР, у джемшидов Серахса, в таджикской речи арабов сел.Джогари Гяждуванского района Бухарской области, а за пределами СССР - в персидско-таджикских говорах Афганистана.

2. Указанное произношение этого глагола или производных от него зафиксировано также в бактиарском, афганском (панто), парачи, белуджском и ягнобском языках. При этом фонетический облик рассматриваемых слов в панто, парачи, белуджском и ягнобском указывает на то, что они не представляют в данных языках результата самостоятельного развития древнеиранской основы (*vi-tač-*), а заимствованы из персидско-таджикских диалектов.

3. По-видимому, не может быть отделено от этого глагола перс. *godār* 'брод'; не сюда ли и перс. *gāduk* 'горный перевал' (?).

4. Формы этого глагола и его дериватов с интервокальным *=d=* могли бы дать основание думать, что фонетическое развитие др.-ир. *=t=* в указанном глаголе происходило в некоторых персидско-таджикских диалектах (в отличие от литературного языка) закономерно (*=t=>=d=>=d=*). Такому предположению препятствует, однако, следующее обстоятельство: в зоне распространения персидского и таджикского языков диалектный перебой *z/d* охватывает не только слова, в которых восстанавливается или может предполагаться др.-ир. *=t=*, но и ряд других таджикско-персидских слов, в том числе слов, заимствованных из арабского языка.

5. При этом, в некоторых случаях диалектное *d* отражает *z* литературного языка, в других, напротив, диалектное *z* соответствует историческому *d*.

6. Таким образом, перебой *z/d* в некоторых персидско-таджикских диалектах отражает, по-видимому, сравнительно позднее фонетическое явление, распространенное в довольно широком ареале.

7. Учет этого явления позволяет уяснить происхождение и значение некоторых слов в таджикском языке и персидско-таджикских говорах.

8. Чередование *d/z* в языке ранних памятников ново-персидской литературы объясняется обычно как корреспонденция "собственно персидского" *d* "не-персидскому" ("индийскому") *z*. Не исключено, однако, что в отдельных случаях это чередование могло возникнуть и на персидской почве.

ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМА گریا (geṛya) В ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕ-
ВЕКОВОЙ КУРДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА СЕВЕРНОМ ДИАЛЕКТЕ)

1. Глагол " گریان " (geṛyan) в текстах литературных памятников XVI и XVII в.в. в функции вспомогательного глагола при сложных глаголах с пассивным значением.

2. Ограниченность употребления глагола " گریان " в данной функции определенными временными категориями.

3. Случаи употребления глагола " گریان " и его пары " بون " (bûn) в функции вспомогательного глагола с пассивным значением.

4. Отсутствие глагола " گریان " в данной функции в более ранних памятниках (XII-XV), а также в современном курдском языке.

5. Употребление глагола " گریان " в данной функции, не засвидетельствованное до сих пор в научной литературе, объясняется либо проникновением в литературный язык диалектальных форм, либо влиянием персидской поэзии, в которой соответствующий персидский глагол хорошо представлен, на современную ей курдскую.

Л.В.Савельева

О СИНТАКСИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ГЛАГОЛА В РУДЖАРАТИ

1. Глагол занимает центральную /независимую/ позицию в модели предложения. Он распространяется на основе подчинительной связи за счет субстантивных, адъективных и адverbиальных имен. Между глагольной словоформой и зависимыми от нее именными словоформами возникают синтаксиче-

ские отношения, основанные на валентностных /сочетательных/ свойствах глагола, а именно:

1) предикативные отношения, представляющие предикативную структуру предложения;

2) объектные отношения, представляющие объектную структуру предложения;

3) адвербиальные отношения, представляющие адвербиальную структуру предложения.

2. Предикативная структура предложения, являющаяся предикативным соединением спрягаемых форм глагола и субстантивного имени в позиции агенса ($N_{ag} V$) представлена в гуджарати двумя типами моделей:

1) с координированной связью словоформ в глагольной и субстантивной позиции,

2) с некоординированной связью этих словоформ.

3. В объектной структуре предложения ($N_o V$) выделяются позиции объектов:

1) с падежной связью,

2) с послеложной связью.

4. В адвербиальной структуре предложения ($D V$) позиции приглагольных определителей замещают:

1) адвербиальные имена,

2) субстантивные имена с падежной и послеложной связью,

3) адективные имена.

5. Синтаксическая классификация глагола, основанная на его валентностных свойствах, служит важнейшим средством выявления структурных моделей предложения.

И.А.Световидова

ГЛАГОЛЫ ДЕЙСТВИЯ-СОСТОЯНИЯ В БЕНГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

1. В бенгальском языке имеется группа глаголов со значением действия-состояния: *ôñāna* 'останавливаться', 'стоять', *baśā* 'сидиться', 'сидеть', *paṛā* 'падать',

'лжэть', *жаоуа* 'ложиться', 'лжэть' *јагана*
'просыпаться', 'бодрствовать'.

Значение действия или состояния проявляется в зависимости от формы глагола.

2. У личных форм значение действия выражается простыми временами (настоящее общее, прошедшее повествовательное, будущее).

Значение состояния передается сложными временными формами (прошедшее результативное, преждепрошедшее). При этом происходит сдвиг в значениях временных форм: прошедшее результативное выступает со значением настоящего длительного, преждепрошедшее со значением прошедшего длительного. В формах настоящего и прошедшего длительного, а также прошедшего обычного эти глаголы не употребляются.

3. Совершенное деепричастие на *-1у* глаголов действия-состояния в сочетании с глаголами направленного действия (типа *аза* 'приходить', *уаоуа* 'уходить' и т.п.) обозначает действие, в сочетании с глаголами бытия (*ась* 'быть', *таака* 'быть', 'пребывать', *гаа* 'быть', 'пребывать', 'оставаться') обозначает состояние.

Д.Ю.Тугушева

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЙ ГРУППЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ III

1. Определительная группа существительных III (ОГС III), известная в тюркологической литературе под названием *изафета III* типа, формально отличается от других видов определительных конструкций наличием при обоих членах конструкции морфологического показателя их взаимосвязи. Схема ОГС III имеет четкие морфологические очертания, и этим определяются некоторые синтагматические свойства конструкции: возможность постпозиции зависимого члена, расторможимость членов конструкции и в связи с этим - ши-

рокие возможности образования рамки.

2. ОГС III "разви́лась из категории принадлежности"

(Н.К.Дмитриев), и морфемы, сами по себе, сохраняют это принадлежностное значение. По-видимому, не без влияния этого обстоятельства в тюркологической практике принято рассматривать ОГС III как явление синтаксически однообразное, с помощью которого выражается один вид синтаксических отношений — отношения посессивные (С.С.Майзель).

3. Однако попытка формальной интерпретации синтаксического содержания ОГС III показывает, что морфологическая схема ОГС III дает лишь обобщенную информацию о синтаксических отношениях между членами группы; фактически в рамках этой единой морфологической схемы ($N_{\text{п.т.}}$ → N_i) представлены разные содержательные сочетания, связанные разными отношениями непосредственной доминации: а) общегенетивными: эдэбиятның, или 'пути литературы', язучыларның, карандашлары 'взгляды писателей', авторның, нияте 'замысел автора'; б) притяжательными: Шарифуланың, атасы 'отец Шарифулли', минем хәлем 'мое состояние', аның, эшэ 'его дело'; в) элективными: балаларның, икесе 'двое из детей', мейкиликләрнең, бересе 'одна из возможностей', йолдызларның, һәркейсы 'каждая из звезд'; г) партитивными: оҗкенең, уртасы 'середина полетей', агачның, башы 'верхушка дерева', итекнең, кунчылары 'голенища сапог'; д) агентивными: флейталаның, кейләве 'звучание флейт', телнең, усеше 'развитие языка', малайларның, келүләре 'смех детей', тормышның, яхшыруы 'улучшение жизни', аның, нияре адмасы 'то, что он в состоянии пасть', һаваның, салкын булуы 'то, что погода была холодной'; е) сравнительными: кызылның, кызылы 'необычайно красный', акының, акыны 'лучший среди акынов'. Иными словами, в ОГС III представлены разные синтаксические единицы, обладающие разными дифференциальными признаками; соответственно отличаются формальные критерии их выделения.

4. Тождество и различие этих единиц и их дифференциальных признаков устанавливается с помощью дистрибутивного и трансформационного анализа. Например, сочетания с агентивной связью могут быть трансформированы следующим

образом:

флейтарини кейлаве → флейтар кейли

телнең, үсеме → тел үсә

тормынны, яхшырун → тормын яхшыра

аның, шаяра алмасы → ул шаяра ала

Такого рода трансформации невозможны при других видах связи, в сочетаниях с иным синтаксическим содержанием. В сочетаниях с элективной связью допустимы трансформации другого рода (ср. мемкинлеклэрнең, бересе → бер мемкинлек, балаларның, икесе → ике бала). Преобразования по первому типу во втором случае исказили бы элементарную ситуацию. Точно так же в конструкциях с общеэлективной связью недопустимы преобразования по второму типу и т.д.

Внешним признаком, отличающим указанные виды сочетаний, может служить отнесенность членов сочетаний к тому или иному классу слов. При агентивной связи доминирующим словом, как правило, выступает глагольное имя, при элективной — числительное и т.д.

И.И.Цукерман

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВАРИАНТОВ

Предлагаемое сообщение служит продолжением доклада, сделанного автором в 1967 г. (см. И.И.Цукерман, Вариантность как диахронический лимит языковой системы, — "Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Тезисы докладов III годичной научной сессии ИО ИНА, май 1967 года", Ленинград, 1967, стр.103 и сл.).

В ижмокурдских и севернокурдских говорах Ирака, исследованных Д.Н.Маккензи (D.N.Mackenzie, Kurdish dialect studies, I, London, 1961), выделяется группа глаголов, настоящая основа которых имеет в исходе гласный -е, именно: kirdin (kirin), -ke- 'делать', dan, -de- 'давать' birdin (birin), -we(r)- (-be-) 'брать, уносить', xistin, -xe- 'бить, ударять' (ср.

соответственно главное спряжение: [a] e+ke+m 'делаю'; [a] e+de+m 'даю' и т.д.). В говоре курдов Армении исход -е для глагольных основ вообще невозможен. Что же касается, в частности, упомянутых глаголов, то настоящая основа у них состоит из одного согласного: kirin, -k-, dan, -d-, birin, -b- (-v-), xistin, -x- (ср. соответственно согласное спряжение: di+k+i+m 'делаю', di+d+i+m 'даю').

Сохранившиеся в говорах Ирака формы отражают, вероятно, более древнее состояние, чем соответствующие формы в говоре курдов Армении. Но как реально осуществлялся переход из состояния dekem в состояние dikim? Об этом мы можем получить известное представление, анализируя соответствующие формы в говоре курдов Хорасана. То, что диалектно распределено между говорами Ирака, с одной стороны, и говором курдов Армении, с другой, и, вероятнее всего, диахронически тоже разорвано, оказывается локально и синхронически объединенным в виде сосуществующих вариантов в пределах хорасанского курманджи.

В хорасанском курманджи формы dekem /dekim, dedem/ dedim и т.д. свободно варьируют и в пределах индивидуальной речи, иначе говоря - для глаголов kirin, dan, birin в настоящих временах варьируют гласная и согласная основы и соответственно гласное и согласное спряжение. Так, например, для kirin:

1. de+ke+m /de+k+i+m	de+ke+n̄ / de+k+i+n̄
2. de+k+i	de+ke+n / de+k+i+n
3. de+ke-	de+ke+n / de+k+i+n

Наличие в парадигме для 2-го л. ед.ч. только согласной формы de+k+i (не чередующейся с гласной формой de+ke+u, реально существующей в говорах Ирака), может свидетельствовать о том, что переходу de+ke+m > de+k+i+m, , вероятно, предшествует момент переразложения морфем внутри формы dekem: de+ke+m > de+k+em, и только после этого следует переход de+k+em > de+k+i+m,

по аналогии с обычным согласным спряжением (ср. $de+kev+i$ 'падаю'). Иными словами - переход $dekem > dekim$ является, в сущности, двухмоментным и состоит из этапа $de+ke+m > de+k+em$ и этапа $de+k+em > de+k+i$.

Форма 3-го л. ед.ч. $de+ke-$ не чередуется с формой $*de+k+i$, которая соответствовала бы обычному согласному спряжению в хорасанском курманджи (ср. $de+kev+i$ 'падает'). Но на основе сказанного выше мы могли бы полагать, что и здесь происходит процесс переразложения $de+ke- > de+k+e$, протекающий, однако, скрыто, поскольку прогрессивная форма $*de+k+i$ не отмечена вовсе. Из сказанного также ясно, что форма 3-го л. ед. ч. хорасанского курманджи $deke$ и соответствующая форма в говоре курдов Армении $dike$ - несмотря на то, что они имеют в исходе один и тот же гласный e - не совпадают ни по своему морфологическому составу, ни тем более по своей потенциальности (диахроническому лимиту). В говоре курдов Армении конечное e есть обычное окончание 3-го л. ед.ч. любого глагола согласного спряжения (ср. $di+k+e$ 'делает', $di+kev+e$ 'падает'), тогда как в хорасанском курманджи конечное e есть гласный исход основы, стремящийся перейти в окончание и на этой почве подвергнуться замене обычным окончанием $-i$: $de+ke- > de+k+e > *de+k+i$ (ср. $de+kev+i$). Состояние $de+ke-$ в хорасанском курманджи (при том, что в парадигме возникли формы $de+k+i$, $de+k+i$ и т.д.). крайне неустойчиво и чревато изменчивостью, содержит скрытый диахронический лимит.

Приведенный материал показывает, что анализ вариантности в пределах синхронического среза языковой системы, включая ее индивидуальный вариант, дает принципиально такой же результат, как и сравнение диалектно и диахронически разорванных соответствий. Это происходит потому, что синхронически чередующиеся варианты обладают своей диахронической направленностью: $de+ke+m /> de+k+em /> de+k+i$. (Сочетание знаков $/>$ читается: "чередуются и переходит в"). Различие между синхронически чередующимися вариантами и диалектно-диахроническими соответ-

отвными заключается лишь в том, что чередующиеся варианты до поры до времени обратимы, тогда как соответствия, будучи территориально или диахронически разорванными, обычно необратимы. Между чередованиями и соответствиями нет непроходимой грани. Чередования могут стать соответствиями. Соответствия могут восходить к чередованиям.

З.А.Дзупова

ИЗАФЕТНОЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ И СЛОЖНОЕ СЛОВО

В ижном наречии курдского языка наряду с изафетом $-\hat{i}$ отмечен особый изафетный показатель $-e$.

Изафет $-e$ (после имен с исходом на $-i$ $-ye$, с исходом на $-u$ $-we$, с исходом на $-a$, $-e$, $-ä$, $-o$ $-нуль$) употребляется в словосочетаниях, где определение интерпретируется как качественное или относительное.

В словосочетаниях такого типа определенный артикль ($-e$ или $-eke$) всегда переходит от определяемого к определению (если их несколько, то к последнему), тогда как в словосочетаниях с определением, выражающим принадлежность, определенный артикль сохраняется при определении, и связь с определением осуществляется с помощью изафета $-\hat{i}$, образующего с гласным артикля $-e$ дифтонг $-eu$; ср. $bûk+e gewr + eke$ 'старшая невестка' и $bûk+eke+u padşa$ 'невестка царя'.

Словосочетания с изафетом $-e$ образуют конструкции, омонимичные со сложными словами определенного типа /видимо, изафетного происхождения/. Эти слова могут быть разделены на две основные группы: 1) сложные слова, второй компонент которых представлен именем прилагательным: $gul+ezerd+eke$ 'желтая роза' — сложное слово с определенным артиклем $-eke$; ср. соответственно $gul+e zerd+eke$ 'желтый цветок' — изафетное словосочетание с определением, оформленным определенным артиклем $-eke$ 2) сложные

слова, второй компонент которых представлен именем существительным: *seremeqest+eke* 'обрезок ; остаток (ткани)', *guīebax+eke* 'роза'.

Одним из критериев для отграничения изафетного словосочетания от сложных слов может служить возможность присоединения к сложным словам суффикса неопределенности *-êk (-ê)*: *guīezerd+êk*, *seremeqest+êk*; ср. изафетные словосочетания, где неопределенный артикль стоит при определяемом: *guī+êk+i zerd*.

СОДЕРЖАНИЕ

І. Источниковедение

О.Ф.Акимункин. Редкий источник по истории Моголии	3
С.И.Баевский, З.Н.Ворожейкина. "Собрание редкостей" Низāми 'Арӯзай Самаркандӣ как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана в X-XII в.в. /Обычай/	5
А.С.Боголюбов. "Место "Аль-Фикх аль-акбар" Абу Ханифы ан-Ну'мана в сложении мусульманской догматики"	7
Н.А.Дулина. К истории изучения турецкой миниатюрной живописи	9
Н.В.Елисеева. К вопросу об исторической достоверности Шах-наме Фирдоуси (на примере одного фрагмента)	12
Т.С.Ерназарова. Архивные материалы о поступлении монет из Средней Азии в хранилища Петербурга в конце XIX века	13
Л.Н.Карская. Исследования и материалы по иранистике и тюркологии в изданиях Кавказского отдела Русского географического общества . . .	15
С.Г.Кляшторный. Надписи Тепсея	18
А.И.Колесников. Пехлевийские сочинения в арабской обработке	20
А.М.Куликова. Обзор архивных материалов по истории преподавания восточных языков в Петербургском университете в 1816-1890-х г.г. (по фондам архива Академии наук СССР)	23
Б.Е.Кумеков. Страна кимаков по ал-Идриси	26
А.Г.Лундин. Новая сабейская надпись с формулой <u>dsryhw</u>	28

Н.Д.Миклухо-Маклай. "Записки" Бабуре и географическая литература XVI-XVII в.в.	30
Е.Д.Огнева. Связь географических названий с именами горных божеств в тексте пятой главы тибетского эпоса о царе Гесаре	32
Р.Р.Орбели. Новые биографические данные о Мирзе Джафаре Топчибашеве (по материалам собрания грузинских рукописей)	34
М.Б.Пиотровский. Йеменский царь Шаммар Йур ⁴ и в арабских источниках	40
В.А.Ромодин. "Сирадж ат-таварих" (т.III) как источник	42
Л.М.Чугуевский. Фрагмент "Феншу" из дуньхуанского фонда ИНА АН СССР	45

II. История

М.В.Воробьев. Чжурчжэни и национально-охранительная политика государства Цзинь	47
С.С.Какабадзе. Древнейшие грузинские сведения о Юго-Западной Грузии	50
Ю.А.Кроль. Интерпретация рассуждения Сыма о "шеоти школах" как политического трактата	53
Е.И.Кычанов. Тангутские законы середины XII в. о преступлениях против государя	55
А.С.Мартынов. "Дальние" в системе "чаогун"	58
З.Я.Ханин. Об особенностях явления дискриминации в Японии	60
М.Ф.Чигринский. К вопросу об этническом составе Тайваня до образования государства Чжаней в XVII в.	61
И.Ш.Шифман. Организация караванной торговли в Сирии I-III в.в. н.э. и проблема караванных городов	64
С.А.Школяр. К вопросу о причине смерти Мункэ-хана	66

В.А.Якобсон. О некоторых социальных терминах нововоссирийского периода	69
--	----

III. Литературоведение

М.А.Болдырева. Об истоках творчества Амира Хамзая	70
А.Д.Бурман. К вопросу об истоках драматургического творчества У Чин У	72
Я.В.Васильков. Происхождение сюжета "Каира-тапарвы" (Махабхарата 8.89-42)	74
Б.А.Западова. Роман Сун Сорена "Солнце встает над древней землей" и современная проза Камбоджи	77
Г.Д.Иванова. "Сиракаба" - литературное общество и журнал	78
Д.Кара. О некоторых жанрах монгольской народной литературы	81
Н.К.Павловская. Из истории текста "Пинхуа по истории пяти династий"	88
М.Б.Руденко. Похоронные песни курдов-езидов Закавказья	87
Г.В.Сорокоумовская. Концепция человека в творчестве Суад Дервин /по материалам романа "Фосфорическая Джеврие"/	88
И.И.Цукерман. Логическая структура курдских народных трехстиший	91
В.Ю.Шейнин. Йёсёф бен Танхум хай-Йёрұамалӣ и его литературное наследие	94
О.П.Щеглова. Анонимная поэзия и проза на персидском языке в литографированных изданиях собрания ЛО ИНА	98

IV. Языкознание

М.Н.Боголюбов. Арамейская поэтическая надпись Нанашта из Киликии	99
--	----

А.М.Газов-Гинзберг. Символизм "уменьшенного" (-uai-) и "малого (растущего)" (-iau-) в семитских языках	102
М.Н.Зислин. Каренские языковеды XI-XII в.в. о грамматическом сопоставлении древнееврейских слов (по материалам неопубликованных рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)	104
И.Т.Зогреф. О локальных различиях в языке памятников средневековой китайской литературы	106
М.Исхаков. Глагольные формы в согдийских документах с горы Мут	109
К.Б.Кенниг. Переходность в Тангутском языке	112
Б.И.Кузнецов. Морфологическое значение адверба в Маратхи (попытка истолкования)	114
Н.И.Носова. Словообразование и формообразование о помощи префикса a- в бирманском языке	117
И.М.Оранский. О чередовании z/d в некоторых персидско-таджикских диалектах	118
М.Б.Руденко. Глагольная форма geṛya в памятниках средневековой курдской литературы (на северном диалекте)	120
Л.Савельева. О синтаксической классификации глагола в гуджарати	120
И.А.Световидова. Глаголы действия-состояния в бенгальском языке	121
Л.Д.Тугушева. Синтаксические отношения в определительной группе существительных Ш	122
И.И.Цукерман. Диахроническая направленность вариантов	124
З.А.Хсупова. Изафетное словосочетание и сложное слово	127

